

ЧТЕНИЕ И ЧУВСТВА

Страницы романа

ВВЕДЕНИЕ

1.

Ширли — симпатичная девочка-бармен в Нетании, небольшом приморском городке к северу от Тель-Авива. Белые крашенные волосы, прямой нос, серые глаза, в ней трудно узнать еврейку. Когда мы зашли во второй раз, выяснилось, что она тоже «русская». Здесь так называют всех приехавших из бывшего СССР, а в Нетании их много — никто не разбирается, откуда ты конкретно — из СССР, значит, русский. Ширли родилась уже в Израиле, но ее мама и папа из Киргизии — раньше город назывался Фрунзе, теперь Бишкек. Родители евреи, папа наполовину киргиз, поженились в 1985-м и в самом конце 1980-х годов уехали сюда, а через пару лет их бывшая родина развалилась.

Разговор идет на смеси русского и английского, когда Ширли не хватает русских слов.

— Бывали в Бишкеке?

Я качаю головой:

— Нет.

— А вы откуда?

— Москва.

Ширли кивает головой:

— Понятно. Тут много москвичей.

— Как вам тут живется? — после небольшой паузы спрашиваю я.

— Хорошо, — без колебаний отвечает Ширли. — Хорошо. Мне тут нравится. Я уже и в армии отслужила.

Мы сидим у стойки, у кранов с пивом. Carlsberg, Heineken, Guinness... Похоже на циферблаты каких-то приборов. Приборы показывают, где вы, не хуже навигатора — это ваша цивилизация, в общем, ваша или близкая вам культура, каких-нибудь километров сто пятьдесят-двести на восток, на Территории¹ или в Иорданию — и ничего этого не будет или будет только в отелях для иностранцев и под охраной полиции. Играет музы-

---

Слава Сергеев — писатель и журналист. Родился в 1965 году. По первому образованию геолог. Учился в Литературном институте имени А. М. Горького на отделении прозы. Печатался в изданиях «Дружба народов», «Континент», «Независимая газета», «Новое литературное обозрение», «Знамя», «Новое время» и других. На данный момент автор пяти книг прозы на русском языке. Участник лонг-листа премии «Национальный бестселлер» (2007 и 2011) и шорт-листа премии им. Довлатова «Заповедник» (2015). Автор серии интервью с выдающимися деятелями культуры и серии статей на темы истории литературы. Проза переведена на итальянский и испанский языки. Живет в Иерусалиме.

¹ Так в Израиле называют Палестинскую автономию. — Здесь и далее примечания автора.

ка, песни в основном на иврите, но встречаются и английские. Улыбнувшись нам, Ширли вдруг ставит Земфиру². «Расскажи мне про Австралию, мне это очень интересно...»

Русские слова звучат немного странно в этих местах, но из больших окон бара через улицу видны невысокие беленые дома в семь-восемь этажей, балконы, увитые виноградом, открытые окна, вывески на иврите, ярко-синее южное небо, вечнозеленые деревья, за окном — плюс двадцать два, несмотря на март. Не Австралия, конечно, но точно не Россия. В баре народу мало — будний день. Кроме нас, с другой стороны стойки двое молодых мужчин, один — небольшого роста лысеющий брюнет, второй — плечистый высокий парень с длинными волосами, они трогательно держатся за руки и тянут свое пиво; за столиком у окна седоватый мужик в джинсовой рубашке говорит по телефону по-французски, его молодая подруга тонким пальчиком с ярким маникюром листает смартфон.

На кухне за бамбуковой занавеской моет посуду девушка-эфиопка с двумя десятками косичек-дредов. И мы. Вот и все посетители. Впрочем, через пару часов, когда наступит вечер, народ подтянется, место в городе популярное.

— Сорри, — спрашиваю я Ширли, дождавшись, когда она подойдет поближе, — а вы не знаете случайно, как добраться до города Назарета?

Случайно, но Ширли знает. Я не понимаю, как это работает, математик что-то объяснил бы через теорию вероятности, но в путешествии, если вам куда-то надо, обязательно попадется человек, который подскажет дорогу. Язык до Киева доведет. В Назарете, точнее, в израильском городке Нацрет-Иллит, там это рядом, десять минут на автобусе, жила бабушка Ширли. Она часто ездила к ней и, конечно, иногда спускалась в Назарет — место-то знаменитое, хотя город в основном арабский.

— А это не опасно? — спрашиваю я.

— Нет, — Ширли немного удивленно качает головой. — Там очень много туристов и, следовательно, полиции. Кроме того, туристы — это деньги, это все понимают, и арабы, и евреи, поэтому обижать туристов нельзя... Вам надо доехать до Тель-Авива, отсюда автобусы каждые пятнадцать минут, — Ширли машет загорелой рукой в сторону большого шоссе, — а там с автостанции несколько раз в день идут автобусы в Назарет, надо посмотреть расписание в Интернете. Они часто ходят, а ехать часа два, через Иерихон...

— Через *что*? — переспрашиваю я.

— Через Иерихон, — невозмутимо повторяет Ширли.

Один из парней поворачивается в нашу сторону.

— Ты путаешь, — говорит он Ширли по-русски. — Не Иерихон, автобус идет через Мегидо. На русском — Армагеддон... — И он вежливо улыбается.

Парень тоже русский, его зовут Миша. Как выясняется чуть позднее, он из Ленинграда.

Они некоторое время спорят, потом побеждает точка зрения Миши, подкрепленная гуглом, Ширли ошибается: автобус идет через Мегидо.

— Ага, — киваю я, записывая маршрут на небольшом листочке, который дала мне Ширли. — Мегидо... Назарет...

Я чувствую, что немного обалдеваю от названий, но при этом — так здесь называются населенные пункты — что можно с этим сделать?

Жена просит меню и заказывает салат. Я заглядываю в меню, хочу что-то выбрать, но колеблюсь: на еду цены московские и выше, хотя Нетания — маленький город.

Ширли мельком смотрит на меня:

— Дорого? Говорят, Москва — тоже дорогой город. А у нас почти все привозное... — будто оправдываясь, говорит она.

«И оливки?» — скептически думаю я.

² Внесена Минюстом РФ в список иностранных агентов.

В бар входит пара, мужчина и женщина средних лет. Если бы не иврит, я бы решил, что это испанцы или итальянцы. Прямые спины, открытые лица, твердая походка. Я думаю, что здешние евреи не похожи на русских, и европейских, и даже на американских — они какие-то другие. Осанка, выражение лиц... Некоторое время, потягивая пиво, я размышляю, в чем отличие, и вдруг думаю, что отличие в том, что местные евреи — дома. Это их страна. Я даже усмехаюсь, так странно это звучит: евреи — дома... Но надо привыкнуть.

Пара делает заказ и садится за столиком на улице, у бара есть свой кусочек тротуара.

— А Христос бывал в этих местах? — вдруг спрашивает жена. Спрашивает громко и тогда, когда дверь за женщиной еще не закрылась. Женщина на слово «Христос» оглядывается, я улыбаюсь, но ответной улыбки не получаю. Я бы не назвал ее взгляд враждебным, он скорее холодно-удивленный. Впрочем, вся сцена длится не больше мгновения — дверь закрывается. Забавно, — думаю я... Ни Ширли, ни Миша и его друг на слова жены почти не реагируют.

Точнее, Ширли смотрит на нее с некоторым интересом и спрашивает у Миши:

— Ты не знаешь?

Миша пожимает плечами:

— Я не в теме, извините.

Его друг слышит знакомое слово, усмехается, переспрашивает по-английски:

— Jesus, here? No! Jesus lived in Jerusalem!

— Not only Jerusalem, — мягко говорит Миша тоже по-английски, — Jesus lived in very many places in Israel, dear.

— Where are you from? — спрашиваю я у второго парня. — Israel?

— Он датчанин, — говорит Миша по-русски. — Копенгаген... Мальчик Кай, Снежная королева... А вы что, христиане?

Я пожимаю плечами:

— Пока скорее сочувствующие.

— Из России?

Я киваю.

— Москва?

— Ну да.

— А я из Питера, — говорит Миша. Уточняет: — Был из Питера, из Ленинграда, то есть. А здесь с восьми лет, со второго класса. Родители привезли в начале девяностых... В этом городе вообще много русских... И эфиопов... — добавляет он.

— Вы остановились у родственников?

Несмотря на льющуюся воду, девочка с дредами мельком смотрит на нас.

— У знакомых.

— Сюда приезжает много русских паломников, — о чем-то мельком подумав, говорит Миша. — Но вы ведь не паломники?

Я делаю неопределенное движение рукой.

— Скорее, да, — говорит жена.

— Скорее, нет, — говорю я. — У нас что-то вроде студенческой практики. В России было много, как говорится, теоретических занятий, вот теперь приехали пощупать все своими руками.

— Понятно, — говорит Миша. Кивает: — Вы не похожи на паломников.

Некоторое время мы молчим.

— А вы иудей? — спрашиваю я. — Веруете?

Бывший ленинградец как будто удивляется моему вопросу.

— Я? — Он пожимает плечами. — Нет, наверное. Родители иногда ходят в синагогу, я — нет. Я никто, наверное, но я — не атеист. Я допускаю существование чего-то... *такого...* там, — он показывает наверх, — но я не уверен... Извините, — вдруг добавляет он.

Ширли смотрит на нас безо всякого интереса, я бы сказал, профессионально-индифферентным взглядом бармена. Мы были ей интересны, все-таки новые люди — когда я зашел сюда один первый раз несколько дней назад, я это почувствовал, но сейчас наш разговор идет совершенно мимо нее.

Миша ловит мой взгляд, улыбается.

— Ширли не верит в Бога, — говорит он.

— Откуда ты знаешь? — вдруг говорит Ширли. — Моя бабушка из Нацрет-Иллит была верующая, она ходила в синагогу, но при этом иногда спускалась в Назарет и молилась там святой Марии и Христу. Она считала, что они тоже были святые — может быть, потому, что она была из России. В доме висела икона, сейчас она у нас, на полке с книгами. Я иногда смотрю на нее... У Марии на иконе очень печальный взгляд. Кстати, приезжие из России часто ведут такие разговоры здесь, я не знаю почему.

— А ведь все, — говорю я.

— Что? — Миша не понимает.

— Напрасно, зря, — говорю я. — Это по-старославянски.

— Вы знаете старославянский? — Миша уважительно на меня смотрит.

— На уровне пользователя.

— Русские часто говорят здесь об Иисусе, а еще о Путине, — вдруг говорит Ширли.

— Это разные люди, — тихо замечает моя жена.

— Что? — Ширли не понимает.

— Потому что они богатые, — смеется Миша. — Когда человек должен зарабатывать на хлеб, он мало думает о Боге. О политике — иногда, о Боге редко.

— Но не хлебом единым, — ни к кому особенно не обращаясь, говорит моя жена.

— Что? — снова переспрашивает Ширли.

— Нет, ничего. Это я так, — говорит жена. — Также вспоминаю старославянский.

— Зато почти все арабы верующие, — вдруг говорит Ширли. — Будете в Назарете — увидите.

— Мусульмане? — спрашиваю я.

— Не только, — говорит Ширли. — И христиане тоже.

— Арабы-христиане? — удивляется жена. — Как это?

— А что такого? — невозмутимо отвечает Ширли. И добавляет сначала очень удивляющую меня, а потом заставляющую задуматься фразу: — Если христианами могут быть русские, то почему ими не могут быть арабы? Живут рядом... давно. Многие эфиопы тоже христиане, — добавляет она.

Она еще раз смотрит на нас из-за своей стойки.

Девушка с дредами приносит поднос с чистыми бокалами. Мельком бросает на нас взгляд, что-то говорит Ширли на иврите, по-моему, что-то про наши стаканы, показывая рукой на чистую посуду, потом уходит. Барменша берет чистое полотенце и начинает протирать бокалы. Ставит два чистых перед нами и продолжает. Медленно, основательно, со странной для молодой девушки неспешностью движений: правая рука совершает такие движения, будто Ширли переключает невидимый переключатель на советском телевизоре «Рекорд», я думаю, что, наверное, такой телевизор стоял в доме ее родителей в бывшем Фрунзе, левая рука один за другим подвешивает чистые бокалы над стойкой в Нетании, на берегу Средиземного моря, весной 2014 года.

Не очень маленький путь, согласитесь.

2.

Ночь, около трех, большое окно до пола, пустынная улица, цепочка фонарей. Я выхожу на балкон. Шестой этаж, внизу — дорога с яркой красно-белой разметкой, редко проезжают машины, разворачиваются на перекрестке в конце улицы, разъезжаются в разные стороны. То ли это южная ночь, то ли мне кажется, но картина за перилами балкона наполнена каким-то ожиданием. Я фотографировал ее несколько раз, пытаюсь поймать это ожидание, но так и не смог. На фото обычный ночной перекресток, белые пятна фонарей, кусты... Может быть, я плохой фотограф. С балкона кажется, что этот перекресток и улица ждут кого-то, кто должен прийти, вот-вот придет, выйдет из ближайшего переулка... И еще это странное ощущение, будто ты находишься на страницах Библии. Все из-за тишины, мы живем в спальном районе — в светливо-развлекательном центре города такого ощущения нет.

Мы живем в квартире наших знакомых, уехавших в Москву по делам. Квартира по русским меркам немаленькая: две спальни, большая, метров двадцать, кухня, переходящая в то, что в Америке называется ливинг-румом, и упомянутый большой балкон. Ребята оставили нам собаку — белого лабрадора, с которым надо гулять. Собака умная и ласковая, иногда она сидит со мной по ночам на балконе. Ограждение балкона — прозрачный пластик, собаке тоже видна улица, она кладет голову на лапы и смотрит на дорогу. Жена говорит, что она ждет хозяев, но мне кажется, что она просто так же, как и я, смотрит на ночную картинку. Иногда я тупо сижу перед телевизором, просто переключая каналы, смотрю израильские новости, иногда Би-би-си, иногда немного российскую «РТР-Планету», в основном телеканал «Культура». Хорошо, что дела знакомых совпали с нашим приездом сюда — по существу, мы привыкаем к стране из их дома, делая небольшие вылазки на пляж, в город, в бар Ширли, гуляем с собакой по ближайшим улицам, постепенно расширяя круги, выходим за покупками в торговый центр неподалеку.

В торговом центре русская продавщица спросила нас:

— Вы новые репатрианты?

Я удивился:

— Нет, с чего вы взяли?

Женщина улыбнулась, пожала плечами:

— Мы тоже так ходили сначала... боялись всего.

— Давно вы здесь? — спрашиваю я.

— Да... — она снова улыбнулась, — осенью будет пятнадцать лет.

— И как вам тут?

— Знаете, хорошо. И мне, и детям. Но мы с Украины, Донецкая область.

После небольшой паузы — уточню, на календаре середина апреля 2014 года — я говорю:

— Тогда да, конечно.

Продавщице лет тридцать пять-тридцать шесть, может быть, чуть больше, она симпатичная, хорошо выглядит, большая грудь оттягивает блузку. Произведя нехитрый подсчет, я понимаю, что она уехала году в 1998—1999-м.

— А вы откуда? — спрашивает продавщица, то ли не замечая нашего напряжения, то ли делая вид, что не видит его.

— Москва, — говорим мы хором.

— Я почему-то сразу так и подумала, — говорит она. — Ну вам-то что уезжать, в Москве хорошо.

— Чем? — спрашиваю я.

— Денег много, легко заработать.

— А еще чем?

— Знаете, когда вам не на что купить еду ребенку, это главное.

— Ну, например, нам не хватает мира... Войну вот у вас устроили. Извините, — за чем-то добавляю я, будто это я помогал повстанцам в Донецке.

— Не извиняйтесь, вы-то при чем? — разумно удивляется продавщица. — Потом не скажу за всю Украину, но в Донецке точно многие рады русским, я уверена.

Я пожимаю плечами, испытывая некоторую неловкость.

— Но это же сила, силой вроде нельзя, — говорит жена.

— Нельзя. Но некоторые по-другому не понимают... — спокойно говорит продавщица. — Здесь, в Израиле, на все это смотрят немного иначе, чем в Европе, так что вы не смущайтесь³.

Я смотрю на нее, хочу возразить и снова замечаю прямую спину, спокойный и открытый взгляд, именно спокойный, без малейшей агрессии при разговоре о политике, увы, столь привычной нам дома. При этом израильская специфика: на входе в торговый центр толстый охранник довольно тщательно проверил наши сумки и попросил два раза пройти через рамку (в моем кармане зазвенели ключи) — то есть ей есть от чего напрячься, этой крашеной блондинке из Донецка, но она не напрягается.

Когда мы отходим достаточно далеко, я говорю о своих наблюдениях и мыслях жене.

— Может быть, дело в том, что она, прости за выражение, делегировала свою тревогу охраннику, и теперь он напрягается за нее, причем напрягается не просто так, в общем, без последствий, а за деньги и профессионально? — спрашивает жена.

Мы идем дальше по торговому центру, очень похожему на торговые центры в Москве, Питере, Белграде или Чикаго: все те же белые стены, тот же яркий свет, почти одни и те же названия торговых марок, хотя цены (в отличие от Белграда и Чикаго) опять «московские».

— В конце концов, она имеет право на мнение, — задумчиво говорит жена. — Наверное, когда они уезжали, в девяностые, там было совсем хреново. Помнишь, Инка, — она вспоминает нашу американскую знакомую, нищую украинскую медсестру, уехавшую из Мариуполя в США по рабочей визе в конце девяностых и сейчас живущую в собственном доме в Иллинойсе, — рассказывала. Работы никакой, кругом бандиты, зарплата в поликлинике, где она работала, — сто долларов в месяц гривнами. Живи как хочешь.

Я помню, соглашаюсь, вспоминаю большой дом медсестры, ее белый «крайслер».

За «новых репатриантов» в этот день нас принимают еще раз — в продуктовом отделе, где я пытаюсь узнать, как найти кефир, потому что — привет из Москвы — как там кириллица, так и здесь все надписи на продуктах на иврите. Дочь бывших бакинцев с гривой иссиня-черных волос и сильным кавказским акцентом, примерно ровесница Ширли, может, чуть моложе, спрашивает меня:

— Давно приехали?

Мы заученно отвечаем, что мы туристы. Потом я привычно спрашиваю:

— А вы?

Бывшая бакинка смеется:

— Давно, десять лет... А он, — она кивает на усатого седовласого мужчину в мясном отделе, периодически поглядывающего на нас, — уже почти двадцать. Это мой дядя, — поясняет она. — Он первый сюда перебрался, самый смелый, в 1995 году, а потом мы... А вы надолго сюда?

— Недели на три.

³ Некоторые реплики носят документальный характер. Мнение автора может не совпадать с мнением персонажей. Напоминаем, на календаре романа — весна 2014 года.

- Наверное, потом в Иерусалим поедете? — спрашивает она.
- Да, — говорю я, — а почему вы решили?
- Не знаю, — она снова смеется. — Все русские так делают. — Она немного понижает голос, совсем немного, и спрашивает: — Вы христиане?
- Я удивляюсь:
- Почему вы понижаете голос?
- Она улыбается:
- Не знаю. Вас видно. Христиане ходят по-другому. Они все как будто немного шлимазл...⁴ Потом, у родителей русские друзья. То есть из России... А голос понижаю потому, что здесь это не то чтобы не приветствуется, но все же не очень приветствуется.
- Не может быть!.. До сих пор?! — восклицаю я.
- Она смущенно пожимает плечами.
- При этом они хорошо относятся к приезжим, ты заметил? — спрашивает жена, когда мы выходим. — Как к своим. Или мне показалось?..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЛОТНИК ЮСУФ И ЕГО СЫНОВЬЯ

1.

Автобус в город, где Иисус Христос прожил первые тридцать лет своей жизни, отправляется от терминала № 59 большого тель-авивского автовокзала, на его предпоследнем, третьем этаже.

Все очень буднично. Сам терминал находится в дальнем углу здания, и нам пришлось переспрашивать на стойке информации, где круглоголовый смуглый мужчина в очках и кипе не глядя махнул рукой в сторону, куда нам идти; дверь на маленький перрон открыли перед самой посадкой.

Полупустой автобус, чем-то недовольный толстяк водитель проверил билеты, автобус постоял минут пять, пришел еще один пассажир, солдат в зеленой форме, с дорожной сумкой и поразившим нас маленьким железным автоматом, висевшим у него прямо за спиной, будто обычный зонтик.

Дверь медленно поехала вбок и закрылась, автобус дал задний ход, развернулся и покатил вниз, сначала по эстакаде, потом по узким, плохо освещенным улицам старого Тель-Авива, потом мимо небоскребов делового центра, повернул, выбрался на шоссе и прибавил ходу.

— Назарет — промежуточная остановка, конечная — это курорт Тверия, на Тивериадском озере, а вам куда надо? — спросила нас говорящая по-русски соседка.

— А нам туда и надо, в Назарет, — мы дружно закивали, немного вздрагивая при каждом произнесении этого названия.

— Понятно, — кивнула женщина.

— А через Армагеддон, то есть... через Мегиддо идет? — немного погодя спросила моя жена, рассматривая карту в телефоне.

— А отобус а зених насле Мегиддо? — крикнула женщина водителю.

— Кен нихна, — коротко ответил водитель.

— Идет, — кивнула нам женщина. — А что вам там?

— Нет... ничего, — сказал я.

Подождал, пока женщина отвернется, и тихонько перекрестился.

Подняв глаза, я поймал в зеркале взгляд водителя. Взгляд, в общем, ничего не выражал, водитель просто посмотрел на меня и отвел глаза.

⁴ Дословно — полное счастье (идиш). Ироническое определение, русский разговорный синоним — раздолбай, литературный синоним — Обломов.

— А ты знал, что сюда дошли монголы? — вдруг спросила жена, водя пальцем по экрану телефона.

— Как? Сюда тоже?! — я искренне удивился. — Нет.

— Потерпели здесь поражение в тринадцатом веке. От кого, не пишут. Далеко забралась... Неужели от евреев? Маленький, но непобедимый народ?

— Наверное, от Салладина, — говорю я. — Тысяча двухсотые годы. Какие евреи в это время?.. Единицы... Тут были одни крестоносцы и он со своими джихадистами.

Лиза пожимает плечами:

— Не знаю... Еще тут разбили хананеев, ты знаешь, кто это? На две с половиной тысячи лет раньше монголов, потом каких-то ма-ди-анитян, — жена произносит сложное имя древнего народа почти по слогам, — хотя, между прочим, еще раньше Моисей убежал от фараона именно к ним и женился на дочери местного священника...⁵ Какого «священника» — жреца, наверное?.. Библия по-русски — это сплошные эвфемизмы... Неблагодарный какой. Так... Долгая история взаимных претензий. Закончилось все очень плохо. Якобы эти мадианитяне были очень развратные и склоняли евреев к участию в своих обрядах и оргиях. Вон что... Оргии... А те не нашли ничего лучшего, как почти полностью перебить их... Гм, а как же тот священник, на дочери которого? Отомстил тестю?.. Не говоря о самой дочери?.. Не понимаю. Истории из Ветхого Завета — телесериалы про войну отдыхают. Хотя какой это век до нашей эры, четырнадцатый?.. И на дворе — фараоны. Ну да... Также царь Саул и его сын Ионафан погибли где то здесь⁶. — Жена отложила телефон, вздохнула: — Я путаюсь, слишком много имен и информации. Помню у Ахматовой — «долина Ионафана»⁷. Больше ничего не помню. Какая долина, где?.. Еще написано, что это место упоминается в Евангелии. Но что было там — я недочитала, слушайте в следующем выпуске новостей.

— Не было, а будет... — сказал я. — Мы же читали когда-то — финальная битва Добра со Злом. Не помнишь? Причем земные армии и цари тоже будут участвовать в ней.

— Ага, понятно, — сказала жена. — И что, Россия тоже будет? И на чьей же стороне? — Она снова вздохнула и отвернулась к окну.

— Что ты все про Россию... Все земные цари, по Библии, будут против Добра.

Автобус ехал довольно быстро, и я смотрел на мелькающую по сторонам картинку. Сначала за окном была полупустыня — песчаные барханы с зелеными колючими кустами, потом автобус отвернул от берега, в глубь страны, и начал медленно подниматься. Вскоре природа сменилась: песок и камень кончились, и пошла густая зелень, чем-то похожая на зелень нашей средней полосы, шоссе было хорошо асфальтировано, нас почти не трясло, периодически через трассу были перекинута пешеходные мосты. Я обратил внимание, что у опор мостов были высажены большие кусты кактусов, причем так густо, что подойти было нельзя. «Остроумно», — подумал я.

Потом «средняя полоса» кончилась, появились сосны и невысокие холмы, кое-где из-под коричневой земли торчали большие камни. Водитель выключил кондиционер, открыл свое окно и люк на крыше, и в салон влетел прохладный воздух с запахом хвои. Слева по ходу мелькнул один город, потом другой. В последнем среди домов сверкнули золотом купола двух мечетей. Я оглянулся, попытался найти церковный купол, но не нашел. Вскоре после того, как мы проехали город с мечетями, нас обогнал полицейский броневик, настоящая боевая машина — джип с зарешеченными узкими

⁵ Скорее всего, героиня вспоминает Библию, Книгу Исхода, главу 2. Далее для краткости мы будем давать в примечаниях только номера глав и только иногда стихов.

⁶ Книга Паралипоменон, 2. Мы намеренно не указываем здесь и далее номера стихов — чтобы не выдергивать их из контекста. Главы в Библии небольшие, и читатель сам легко может найти нужный стих.

⁷ Скорее всего, героиня от усталости путает Ионафана и Иосафата из «Поэмы без героя», но мы не полностью уверены.

окошками и пулеметом на крыше. Пулемет был абсолютно боевой, у нас такие встречаются только на армейских машинах, на гражданских дорогах его не встретишь — и я удивился.

Я показал на броневик жене, соседка, заметив мой жест, объяснила: начинаются арабские поселения, это Израиль, но города арабские, мало ли что, поэтому здесь полиция иногда передвигается на таких машинах, а окна машин зарешечены для того, чтобы подростки камнем не пробили стекло, так что не бойтесь. Я обратил внимание, что на ее лице не было ни малейшей тревоги, немного удивился этому, но решил тоже не волноваться: раз местные жители не волнуются, то мне-то зачем?.. Жена обменялась с соседкой несколькими фразами, обычный набор: кто она, кто мы, откуда и надолго ли. Женщина оказалась из Тирасполя. Когда в 1990 году в Молдавии началась гражданская война, они продали за бесценок квартиру и уехали сюда. В СССР она была инженером в проектной конторе. Но тогда все были «инженерами».

— Кому это все было нужно, — вздохнула женщина, — эта война, конец Союза. Сейчас вот опять, в Донецке... Кто-то делает на этом деньги.

Жена что-то ответила ей, то, что обычно отвечают интеллигентные москвичи в таких случаях, а я отвлекся и подумал, что это отчасти забавно, «забавно», разумеется, в кавычках, а отчасти печально — как догоняют нас московские новости за три с половиной тысячи километров от Москвы. Через некоторое время мимо нас проехал еще один полицейский броневик, на этот раз с включенной мигалкой.

— Теперь у нас все нормально, — продолжила бывшая жительница Тирасполя, спокойно провожая броневик глазами.

Она представилась: Рита. Сейчас она едет к детям в Тверию, у них там туристический бизнес, небольшая гостиница. Мы не собираемся заехать в Тверию, немного покупаться и, вообще, это же исторический центр, посмотреть всякие развалины? Недалеко от города есть какие-то древности, в их гостинице иногда останавливаются паломники, — Рита мельком посмотрела на нас.

— Может быть, — подумав, сказала жена.

— Тогда я вам дам телефон детей. Визитки у меня с собой нет, но я продиктую.

— Спасибо, но мы еще точно не решили.

— Все равно, пусть у вас будет лишний телефон.

У Риты зазвонил мобильный. Она взяла трубку, заговорила на иврите.

— Какие-то древности — это Капернаум, место первой проповеди Христа, — тихо сказал я.

— Прекрасно, — сказала жена. — Но она не обязана это знать. Другое дело, что ты можешь рассказать ей, если хочешь.

Автобус повернул к заправке, остановился. Водитель повернулся и что-то громко сказал на иврите.

— Стоянка десять минут, — перевела Рита. — Туалет там, если что-то купить — вон магазин, — она показала. — Далеко не уходите, а то еще заблудитесь с непривычки.

Когда мы вышли, я увидел, что у одной из заправок стоит давешний броневик. Дверца его была открыта, рядом разговаривали двое молодых полицейских в голубых рубашках. Я обратил внимание на то, что внутри броневика, несмотря на его небольшие размеры, было не тесно. Поймав мой взгляд, один из полицейских не очень дружелюбно посмотрел на меня, и я отвел глаза.

— По мороженому? — предложила жена, показывая на магазин. — Что ты на них тарачишься? — тихо добавила она, когда мы отошли. — Полиция есть полиция, тем более город, похоже, не их, а арабский, — она кивнула на небольшой и совсем новый

минарет на холме над дорогой. На холме, кроме минарета, стояли дома, некоторые получше и побольше, некоторые похуже, узкая улица уходила круто вверх.

Я посмотрел на синий указатель у заправки. На трех языках: иврите, арабском и английском — сообщалось расстояние до Иерусалима, Яффы и Тверии.

Мы зашли в магазин и купили два стаканчика мороженого и бутылку воды. Продавец магазина был арабом: на шее на золотой цепочке висел полумесяц, на стене портрет президента Палестинской автономии Махмуда Аббаса. Видимо, он не слышал, как мы говорили по-русски, потому что сначала обратился к нам на иврите, а потом перешел на английский.

— А чему вы удивляетесь, — спокойно сказала нам Рита, когда мы вернулись на свои места, — израильский араб, у нас много таких. Они пользуются всеми правами, только в армии не служат, а так — образование, медицина, имущественные права — все, как у нас. Главное, чтобы не бузили, — добавила она, усмехнувшись, — а какому Богу они молятся, какие портреты вешают на стену — их дело, не имеет значения. Хоть Карла Маркса.

Я снова обратил внимание на выражение ее лица и то, как она сидела — она была абсолютно расслаблена.

— Простите, а почему вы так спокойны? — спросил я, подождав, пока автобус тронется. — Ведь от них много проблем, насколько мы знаем?

— Может быть, но мы привыкли, — пожала плечами Рита. — А может быть, дело в том, что я уверена: меня защитят. Те ребята на заправке, в синих рубашках, они свое дело знают, будьте уверены. Это вам не СНГ...

— По идее, это довольно древняя дорога, — сказал я немного погодя, показывая на шоссе, по которому мы ехали. — Не помню, ходил ли здесь сам Иисус, но апостолы точно ходили. Я специально смотрел вчера в Интернете.

Рита молча кивнула и отвернулась к окну.

Автобус продолжал быстро катиться по дороге между невысоких, поросших лесом и кустарником холмов, и в какой-то момент мы задремали. Проснулся я оттого, что Рита легонько потрясла меня за руку.

— Мегиддо, — сказала она, — вы зачем-то спрашивали.

Вокруг была абсолютно ровная, похожая на стол долина, расчерченная на квадраты полей. На полях росло что-то темно-зеленое, похожее издали на укроп или петрушку, вдоль дороги стояли чахлые деревца, я обратил внимание, что, пока я дремал, распогодилось, и небо над долиной Армагеддона было синее, но не безоблачное. Большое кучевое облако, в котором при достаточном воображении можно было увидеть фигуры двух борющихся мужчин, неподвижно висело над одним из углов долины.

Водитель, не оборачиваясь, что-то спросил на иврите у нашей соседки.

— Он спрашивает, вы хотите выйти в Афуле?⁸

— Нет, — испуганно сказал я. — А что это?

— Городок неподалеку. Километров восемь, не больше.

— Мы бы хотели выпить там кофе, если будет стоянка, да? — спросила моя жена.

— Да, — согласился я, — это было бы неплохо, выпить кофе в таком месте. Устроить себе что-то вроде Бородинской панорамы.

— Вряд ли вы успеете, — сказала Рита, — там, по-моему, никто не выходит. Если не будет попутных пассажиров, он даже не будет останавливаться — до Назарета меньше часа. Там и выпьете свой кофе, кстати, он будет лучше.

⁸ Повторимся: согласно Откровению Иоанна Богослова, главы 16–19, на горе Мегиддо, недалеко от нынешнего поселка Афул произойдет финальная победа Христа над Антихристом. Ранее, в Торе (Ветхом Завете), Книга Пророка Иезекииля, 38, эта гора также называется как место победы над силами Зла.

Она что-то спросила у водителя на иврите, тот покачал головой, ответил, почему-то показал на свой мобильный телефон, висевший на зеркале заднего вида.

— Он говорит, что он звонил на автостанцию в Афул и, так как пассажиров нет, не будет даже заезжать туда, проедет по шоссе мимо.

— Вас интересует Откровение Иоанна Богослова? — спросила вдруг по-английски маленькая девушка в рыжих кудряшках, сидевшая впереди нас с ногами на сиденье.

— Да, немного, — кивнула моя жена.

— Вы ничего там не увидите, обычная деревня, — сказала девушка. — Никаких следов того, о чем говорится в Bible, — она засмеялась. — Мои друзья из Испании тоже туда ездили: «О, не может быть, тот самый Армагеддон?!», я увязалась с ними — посмотреть. Обычный городок — ничего особенного. Пыльный и скучный. На горе развалины... Можете съездить, конечно — из Назарета ходит автобус. Но к развалинам на холме надо заказывать такси или брать байк напрокат.

Парень-солдат тоже засмеялся:

— Основная борьба будет происходить там, — он показал на небо с облаком. — В случае чего наши ВВС помогут силам Добра.

Я обратил внимание на то, что израильский солдат знаком с Евангелием, и на то, как он назвал воинство архангела Михаила, Михаэля, если по-еврейски — *Forces of Good*, подумал, что английский здесь временами немного хромает, но, с другой стороны, по сути, он прав, *Forces of Good*, как еще сказать?

Рита тоже засмеялась. Потом посмотрела на нас:

— А пока *forces of Good* не прибыли, наши военные на стреме. Вон видите беспилотник? Вот, над перекрестком...

Я пригляделся: над ближайшим перекрестком на небольшой высоте кружилось нечто похожее на огромную железную стрекозу. Оно и вело себя, как стрекоза: пролетев несколько сот метров в одну сторону, разворачивалось и летело назад тем же маршрутом. Под «стрекозой» сновали машины.

— Что-то случилось? — спросил я. — Зачем он здесь?

— Скорее всего, нет, обычное патрулирование, Назарет — арабский город, надо смотреть, кто туда едет, а кто оттуда.

— Можно его сфотографировать? — спросил я.

— Пожалуйста, почему нет.

— Здесь не Россия, — сказала рыженькая девушка, — фотографируйте, что хотите, кроме военных баз.

— Да прям уж «все, что хотите», — проворчала по-русски Рита. — Не слушайте ее. Полицейских лучше не надо. Ничего не будет, но могут привязаться с вопросами: за чем, почему... У них у всех немножко паранойя.

— Вот и неправда, — сказала рыжая девушка по-английски. Оказалось, она немного понимает великий русский язык. — Я сфотографировала... А если их будут фоткать все, кому не лень... — И они заспорили.

За этими интересными разговорами мы незаметно пересекли долину Армагеддона. Можно было подумать, что у нас была своя маленькая, микроскопическая борьба добра со злом. Вот только я не мог понять, кто был за кого.

Когда я пишу эти строки в Москве осенью 2020 года, вечером, за окном идет мелкий дождь, в ленте новостей информация об очередном разогнанном полицией молодежном митинге протеста. Вокруг меня привычная домашняя обстановка: стол, книги, компьютер, кошка дремлет у аквариума, но я будто пугаюсь чего-то и, повернувшись к темному окну, поправляю на стене домашнюю икону, быстро и мелко крещусь. Хотя я не склонен к так называемой набожности.

2.

Автобус медленно движется по узкой улице между домами в потоке машин. То, что город израильский только «де-юре», видно по вывескам с арабской вязью, по тому, что почти все женщины на улице в платках-хиджабах, а иногда и в паранджах, по давно не отремонтированным домам, по переполненным мусорным ящикам, по отсутствию баров и большому количеству кондитерских. Впрочем, вывески кондитерских были и по-английски: я заметил оранжевую и зеленую надпись международной сети кафе-мороженого — в Москве и Питере она тоже есть.

Было очень странно сознавать, что мы едем по главной улице города, где жил Иисус Христос и Его Родители. «Возможно, Они ходили вот по этой улице... Или по соседней, — думаю я. — То есть по тем, что были на месте этой, городок, разумеется, много раз перестраивался».

Я тихо повторил про себя, не очень веря:

— Где жил Иисус Христос и его Родители...

Несколько раз моргнул, покачал головой. Произнес их имена по-еврейски: Йешуа, Мириам, Йосеф... Как будто бы мне в ответ где-то недалеко раздались удары колокола. Они были слышны даже через закрытые окна автобуса.

«То есть, — подумал я, слушая колокол, — это место существует в так называемой реальности... Ну и ну. Попросить кого-нибудь ущипнуть меня?»

Поймал на себе взгляд рыженькой девушки. Она улыбалась. Солдат тоже как-то странно посмотрел на нас, потом отвернулся к окну.

— А здесь можно поздно ходить? — спросила жена.

— Без проблем, — сказала рыженькая, — только некуда. Церкви закрываются рано, а из кафе — вот это, — она показала на оранжево-зеленое «мороженое», — и еще на площади у церкви одно, отсюда не видно, и все. Баров нет, и имейте в виду: арабам пить нельзя, религия запрещает, все местные ездят пить в соседний израильский Нацрет-Иллит, а курево надо покупать только у людей, которых вы хорошо знаете. Хотя оно здесь не запрещено. Советую вечера проводить в гостинице или гест-хаусе — там веселее, безопасно, народу много и можно хорошо повеселиться.

— Раньше тут были кафе со спиртным, — вдруг сказал солдат. — Для туристов, только дорого. Мы были тут года два назад. Не знаю, есть ли сейчас. Это рядом с «русским домом», спросите.

— Русским домом?

— Ну, он так называется, — сказал солдат и чему-то усмехнулся. — Я не знаю почему.

Я обратил внимание, что когда мы въехали в Назарет, солдат поднял спинку сиденья и положил автомат на соседнее кресло.

— Знаете, вы все-таки в глубь города ночью не ходите, — сказала Рита. — По главной дороге можно, а вверх, в боковые улицы, — она показала в окно автобуса, за которым открывался симпатичный, уходящий вверх переулок, — не надо. Если наткнетесь на компанию подростков, ничего серьезного, скорее всего, они не сделают, а напугать могут. Камень кинут, нахамят...

Вереница машин остановилась. Из боковой улицы выехал большой белый туристический автобус. За слегка затемненными стеклами пятнами маячили лица туристов.

Водитель что-то сказал Рите, глядя на нас.

— Он спрашивает, где вас высадить, — сказала Рита. — Официальная остановка будет на главной площади, у греческой церкви, но он может притормозить, где надо, город-то маленький.

— Нам в турбюро в Тель-Авиве сказали, что нам надо как раз у греческой церкви, — сказал я. — Тут одна греческая церковь?

— В этом я не разбираюсь, но по-моему, не одна. Скорее всего, имелась в виду та, что на главной площади, дорога идет только мимо нее... А вы позвоните в гостиницу, где у вас букинг, я могу переспросить на иврите, — сказала Рита.

Жена набрала номер, и Рита немного поговорила с нашим будущим портье. Засмеялась, в конце перешла на английский.

— Ок, ok, don't worry... Он говорит, чтобы вы подождали его в кафе «Данте» у церкви, он вас встретит. Волнуется, что вы сами не найдете. Тут еще какой-то молодежный праздник сегодня... В кафе большая черная вывеска, вы сразу увидите.

— Эта «греческая церковь» — церковь Благовещения, между прочим, — тихо сказала жена, глядя в свой телефон. — Похоже, та самая, где Мария слышала голос ангела... Помнишь, мы видели репродукцию Рафаэля у твоего папы? В альбоме у него в кабинете? *Это здесь*. — И она чему-то нервно хихикнула.

Я киваю, вспоминаю кабинет отца, большой стол, компьютер, книжные полки, вид из окна: покрытые инеем деревья, улица двухэтажных домов, вдали горы. Дом, где мы видели альбом Рафаэля, находится в небольшом городе в штате Юта — вот теперь мы увидим то, что там изображено, за полмира от этого города, находящегося на дне большой песчаной долины среди желтых, выгоревших на солнце индейских гор. То есть мы увидим то место, которое *вообразил* себе Рафаэль, поправляю себя я. Ведь он никогда не был здесь.

И я опять думаю: неужели это место существует в реальности, как, например, Тверской бульвар в Москве или Гран-Виа в Мадриде, а не только на картинах и страницах Библии? Это невероятно... В этот момент я не вспоминаю, что на репродукции в альбоме, которую мы видели, был изображен дом святого Иосифа, а не источник с водой.

— Ну, я про эту церковь ничего не знаю. Вам-то виднее, — говорит Рита.

Автобус останавливается, дверь отъезжает в сторону, и мы выходим. Рита выходит вместе с нами. Обычная остановка на большой улице: грязновато, ржавый мусорный ящик у старой деревянной скамейки, погнутое железное расписание. На скамейке сидела немолодая арабка в черном платье с непокрытой головой. Впереди, метрах в пяти от нас, стоял туристический автобус, который мы пропускали только что. Из него выходили европейские туристы. Рыженькая девушка и солдат пожелали нам «Nice holidays in Nazareth!..» и помахали: «Bye-bye!..» Но из автобуса выходить не стали.

Из-за деревьев на той стороне улицы торчала невысокая колокольня с православным греческим крестом.

Рита обратилась к арабке на иврите, я услышал слово «Данте». Арабка что-то коротко ответила ей, махнула рукой в сторону церкви, я снова услышал слово «Данте». Потом арабка посмотрела на нас, поняла, что мы не местные, и тоже показала нам на церковь. Толстый водитель автобуса наблюдал все это через открытую дверь. Я вдруг увидел, что под мышкой правой руки у него — кобура.

— Она говорит, — сказала Рита, — что ресторан «Данте» возле церкви, чуть левее, и что там рядом банк, большая вывеска, так что вы не заблудитесь. Я бы вас проводила, но автобус не может ждать.

Я посмотрел на часы и обратил внимание, что автобус прибыл почти точно по времени, указанном в погнутом расписании. Из чего я высокомерно заключил, что расписание движения израильское, а табличка — местная.

Рита улыбнулась, обняла мою жену и подала мне руку:

— Было приятно познакомиться, вы хорошие и какие-то странные. Я думаю, все будет в порядке, но осторожнее. Если что, не стесняйтесь звонить в полицию. Телефон как в Тель-Авиве, «сто», он общий по стране, но есть и местный, вы можете узнать в отеле. Они приедут очень быстро.

Я обращаю внимание на большой красный плакат с серпом и молотом и профилем Че Гевары на соседнем с остановкой доме. Из открытых окон на втором этаже доносится шум голосов.

Рита следит за направлением моего взгляда, пожимает плечами:

— Местные марксисты — не волнуйтесь. В России ведь сейчас тоже есть коммунисты, да? В Молдавии есть, и здесь тоже есть.

— Да, — говорю я. Хочу добавить «увы», но почему-то молчу. Стесняюсь.

Рита напоминает, чтобы мы звонили ее детям в Твери:

— Звоните, они хорошо вас примут. Я буду у них до воскресенья. Это ведь ваша Peisah... Пасха?

Добавляет, почему-то немного понизив голос:

— Там тоже много христианских мест, посмотрите в Интернете, я, к сожалению, не помню названий.

— Хорошо, — киваю я, — спасибо.

Дождавшись перерыва в машинах (пешеходной «зебры» нет), мы переходим дорогу и начинаем подниматься по улице, которую показала Рита. С той стороны дороги слышны два коротких, низких гудка, мы оборачиваемся — это тронулся наш автобус. Рита, рыженькая девушка и солдат снова машут нам.

Я чувствую, что мне жаль с ними расставаться и что я немного волнуюсь: как мы здесь будем? Место важное... Мы идем в сторону колокольни, видной из-за деревьев, оттуда доносится шум многих голосов и что-то вроде музыки уличного оркестра, и я успокаиваю себя: что же я волнуюсь?.. Ведь я — *в Назарете*, какая разница, «чей» он; наконец-то, я столько раз и столько лет представлял себе это, я даже повторяю это название по буквам про себя: я в На-за-ре-те... Вот и мы, Господи.

3.

Когда мы выходим на площадь, первое, что мы видим, это средних размеров старую церковь за высокой каменной оградой с украшенными зелеными пальмовыми листьями воротами и большую толпу перед ней.

Приглядевшись, я вижу, что толпа состоит из молодежи. Сначала я думаю, что молодые люди — верующие и что мы попали на местный церковный праздник, ведь завтра — Пальмовое, то есть Вербное, воскресенье, но через минуту понимаю, что мы действительно попали на праздник — но к Йешуа Назарейскому он никакого отношения не имеет⁹. Большинство народа, как всегда, просто зрители, меньшинство — сочувствующие, некоторые активные участники держат в руках зеленые и красные плакаты, транспаранты с белыми надписями по-арабски и портретами Че Гевары и Махмуда Аббаса — но интеллигентное лицо пожилого врача президента Палестинской автономии немного контрастирует с пламенной шевелюрой товарища Че. Несколько молодых людей и девушек с обильно политыми красной краской одеждой и лицами лежат на земле в живописных позах, по-видимому изображая убитых и раненых борцов, над ними стоят парни в форме израильской армии, мотки колючей проволоки валяются неподалеку. Три барабанщика изо всех сил колотят в большие барабаны,

⁹ Пальмовое, в России, за неимением пальм, Вербное воскресенье — один из главных церковных праздников года. В этот день верующие и Церковь вспоминают торжественный въезд Христа в Иерусалим за неделю до Распятия.

а еще два человека в форме играют на шотландских волынках — получается очень громко, живописно и даже возбуждающе. Все это снимают на камеры и телефоны два участника. Чуть поодаль от толпы, рядом с церковью, ворота которой плотно закрыты, стоят несколько израильских полицейских, кажется этнических арабов, со скучающими лицами, по периметру площади — банк, ювелирный магазин, несколько кафе; на одном, подальше и поприличнее — вывеска «Dante» и столики с посетителями, с ленивым любопытством наблюдающими за действием из-за столиков.

Я действительно замечаю это кафе сразу, показываю на него жене.

Она кивает:

— Давай сфоткаем все это? Классно, да?

Я тоже подхвачен общим энтузиазмом:

— Да, давай...

В этот момент демонстранты в форме израильской армии под воодушевляющие крики толпы начинают пинать ногами в высоких армейских ботинках мотки с ключей проволокой. Я понимаю, что проволока не настоящая — это пластик или крашенная под металл резина. Мотки поддаются и, как пустынная трава перекасти-поле, откатываются на несколько метров назад. Наверное, это символизирует перемещение каких-то границ — толпа на площади издает победный вопль, и до меня наконец-то доходит смысл происходящего. Как говорится, через две недели засмеялся жираф. Я печально думаю о том, что от политики никуда не скроешься, даже в городе Назарет, Галилея.

По-видимому, на моем лице отражается недостаток энтузиазма, потому что ближайшая из демонстранток, причем довольно симпатичная, в испачканной красной краской белой хлопковой блузке, вдруг показывает мне «фак».

Я улыбаюсь в ответ, но жена беспокойно спрашивает меня:

— Что это с ней?

— Не знаю, — говорю я. — Главное, ты не волнуйся. Возможно, это совпадение, но я вижу, что полицейские у дверей церкви смотрят в нашу сторону.

— Что они сделают с такой толпой?

— Видимо, что-то сделают, — говорю я. — Раз дальше «фака» дело не идет. Не забывай: мы здесь иностранцы, и местные конфликты нас в общем не касаются. Или мы делаем вид, что не касаются.

И действительно, один из молодых людей с профилем команданте Че на майке, наклонившись к раскрашенной девушке, что-то говорит ей на ухо, пару раз поглядев в нашу сторону. «Фак» больше не появляется.

— Все равно, — говорит жена, — пойдем. Ну их... Какие-то они злые... Потом, нас, наверное, уже ждут.

Мы подходим к кафе «Данте». Никто нас не ждет... Мы усаживаемся за столик, я прошу меню и оглядываюсь, смотрю на церковь. Неужели *та самая*?

— А все-таки забавно, — говорю я жене. — Город Назарет, 2014 год от Рождества Христова, арабская антиизраильская демонстрация — а рядом церковь с великой реликвией: «— Мириам, Мириам... — Я здесь, Господи... Да будет мне по слову твоему...» — все это было здесь...¹⁰ И при этом — ну никакого покоя.

Жена вдруг крестится на колокольню, поверх протестующих, пинающих бутафорскую колючую проволоку, принесшая меню официантка в обтягивающей черной блузке с длинными рукавами и таких же очень тесных джинсах (зато все тело закрыто) почти без выражения смотрит на нее.

¹⁰ От Луки, 1. Почти все цитаты из Писания даны по изданию: Библия. Современный русский перевод. РБО, 2011, 2017. Синодальный вариант, знаменитое: «Се раба Господня, да будет по глаголу твоему».

Через несколько минут она молча ставит на стол одну маленькую кофейную чашку — для жены. Я отказываюсь.

— Thank you, — говорю я.

— Your pleasure, — сухо, без улыбки говорит официантка.

Мы медленно идем по узкой улочке с сотрудником гест-хауса «Назарет» Абдулом Рашидом. Позднее жена утверждала, что его имя означало «Прямой путь», но я так и не нашел подтверждения. Поскольку Рашид немного опоздал, он в знак извинения несет нашу сумку. А может быть, потому, что здесь так принято, хотя в Иерусалиме сумку подносят только в «четырёх звездах» и выше... Уходя с площади, я оглядываюсь.

Колокольня церкви Благовещения и сама церковь кажутся совсем небольшими на фоне окружающих зданий. За колокольной, вверх по склону холма — современные дома в несколько этажей, с лоджиями и балконами. На балконах цветы, кресла, на одном через перила перекинута большое полотенце. Реки рядом, кажется, нет, кто-то, видимо, постирался или принимал душ. Я думаю: интересно, как это принимать душ у источника Благовещения? Когда я мысленно произношу про себя эти слова — «душ», «источник Благовещения», мое дыхание несколько сбивается... Дает о себе знать геологическая юность. Ведь *вода-то*, возможно, *одна и та же* — в смысле из одного геологического пласта.

По пути Рашид немного рассказывает нам о местной жизни. Кафе «Данте», в котором мы его ждали, работает допоздна, там хороший повар, его знакомый, есть белое вино и охрана, а вот это — обмен с хорошим курсом шекеля, но работает только до четырех р. м., а вот «Русский дом»...

— Извините, но он в отеле работает недавно и так и не собрался посмотреть в Интернете, почему его так называют — у них не очень часто останавливаются русские. Сейчас здесь prison, тюрьма.

— Что?.. — удивляемся мы. — Но почему именно тюрьма?!

Мы останавливаемся и разглядываем вывеску по-английски и по-русски. На вывеске с ятями написано, что дом построен в 1901 году для паломников из России — теперь на его крыше колючая проволока, дверь железная, а окна зарешечены.

Я удивляюсь, что Рашид не читал даже эту табличку.

— Странное совпадение, — только и говорю я.

— Эхо, — говорит жена. — У нас когда-то аукнулось, здесь сейчас — откликнулось. Абдул Рашид терпеливо ждет нас. Он улыбается и пожимает плечами:

— Толстые стены — наверное, поэтому... Русские строили на совесть.

Наша маленькая гостиница находится на той же улице, где кафе «Данте» и превратившийся в тюрьму «дом русских паломников», только немного вверх, и отгорожена от улицы высоким каменным забором. Отличительная черта городов Востока: жилые строения соседствуют с абсолютными развалинами, покинутыми людьми. Мы дважды прошли мимо таких домов-развалин, и я подумал, что, наверное, вечером ходить мимо будет не очень приятно, но рядом, в соседнем дворе было развешано белье, а из открытых окон слышались детские голоса и играла музыка. Когда мы вошли, наш дворик оказался очень симпатичным, с маленьким фонтанчиком и большой оливой, с висящими на ней крестиками, ленточками и — все смешалось в доме Облонских — разноцветными буддийскими колокольчиками. Вокруг оливы стояли скамейки и шезлонги, в холодильнике с прозрачной дверцей темнели бутылки с кока-колой и голубая питьевая вода, в одном из шезлонгов сидел обычный для таких мест одинокий худой иностранец с книгой. Молодая пара с помятыми лицами, при нашем появле-

нии вышедшая на балкон первого этажа, зевнув, сказала «Good morning». Было около четырех часов дня. Впрочем, как когда-то говорила одна петербургская знакомая — когда встал, тогда и утро.

Оставив вещи в небольшом, но с хорошим видом из окна на соседские крыши номере, мы спускаемся на ресепшн.

— Хотите есть? На кухне сейчас никого нет, завтрак кончился, но я могу что-то приготовить — салаты, чай, омлет? — спрашивает Абдул Рашид.

— Нет, спасибо, — говорю я, немного поколебавшись, — мы лучше погуляем до темноты и что-то съедим в городе. Вот вечером — будет неплохо. Вы бы хотели, чтобы мы рассчитались за номер сейчас или позже?

— Как вам будет удобно, — говорит Абдул. — Только имейте в виду, что кухня работает до десяти вечера... Но вы можете составить сейчас меню своего ужина, и повар завтра все приготовит. Принести вам меню?

Мы присаживаемся на диван под оливой, Прямой Путь приносит меню и два маленьких изогнутых стаканчика чая. На блюдечке возле стаканчиков — горка маленьких медовых печений.

— Платить не надо. За счет заведения.

Мужчина с книгой смотрит в нашу сторону и вежливо улыбается.

— Наверняка европеец, — говорит жена. — Только они могут днем торчать на территории отеля с книгой. Не понимаю, какой смысл прилететь за четыре тысячи километров, заплатить немалые деньги и потом сидеть тут.

— Ну, — говорю я, — во-первых, безопасное пространство. Потом, может быть, он читает путеводитель или «Краткое изложение Евангелия». Сейчас прочтет и отправится в город во всеоружии знания... Потом, европейцы рано встают, может, он с восьми утра здесь гулял, город-то маленький, а сейчас пришел отдохнуть.

— Сейчас и мы отправимся во всеоружии, — говорит жена.

— Во всеоружии чего? — уточняю я.

— Во всеоружии нашей веры, — отчеканивает жена.

Я молчу.

Когда мы оставляем заказ на вечер и съедаем все печенья, Абдул Рашид провожает нас до железной калитки.

— Если вам нужен дом родителей Иисуса, то сейчас вам налево, — слегка улыбаясь, говорит он на прощание. Таким же обыденным голосом он мог сказать «дом моих родителей» или «родителей моего брата».

И я не могу удержаться от ответной дурацкой и радостно-растерянной улыбки.

Кстати, заметьте: Прямой Путь не сказал «возможное место дома», в его словах была абсолютная уверенность.

4.

Узенькая улица идет сначала вверх, потом раздваивается. На развилке какие-то рабочие красят белой краской наружную стену углового дома. Дому лет сто, не меньше. Над подъездом вывеска по-английски: «В гостях у Иосифа. Гест-хаус». На вывеске нарисован крест. Рядом то ли прораб рабочих, то ли хозяин гостиницы, толстый арабский дядька в костюме.

«Забавно звучит название, — думаю я. — Иосиф сам иногда бывал гостем, а теперь вот мы — у него в гостях».

— Надо спросить у босса, — тихонько говорю я жене, — к церкви Семьи Иисуса — направо или налево?

Лиза мгновение думает, потом обращается к мужчине в костюме по-английски:

— Sorry... We are looking for the church of... of... Слушай, я не знаю, как это сказать по-английски, — говорит она. — Дословно — Parents of Jesus?

— Скажи просто: church of Saint Family.

Усатый дядька слышит меня, совершенно бесцеремонно оглядывает мою жену с головы до ног и машет рукой налево:

— Church of Saint Family? Go left.

Работяги прекращают работу и тоже пялятся на нас.

Мы начинаем спускаться.

— Надо переспросить, — говорю я. — Мало ли куда он нас послал.

— Перестань, — говорит жена. — Здесь этого нет... А кстати, ему не жарко в костюме?

— «Это» есть везде, — говорю я. — В особенности — у этих.

— Прекрати, — снова говорит жена уже немного сердито. — Ты что, расист?

— Я? Нет, — говорю я.

Навстречу нам по улице поднимается компания европейцев: мужчина лет под сорок с круглой рыжей бородой, будто у шкипера из какого-то фильма по Джеку Лондону, и две загорелые молодые женщины с фотоаппаратами. Я замечаю, что, увидев нас и тоже идентифицировав как неместных, компания радуется.

— Hi! — говорю я.

— Hi! — говорит компания.

— Do you know, where is the big temple of Saint Family? — спрашиваю я, заранее составив фразу в уме (здесь и далее я прошу прощения у читателя за свой деревянный, студенческий английский). — Is this the right way?..

— Yes, right, — говорит одна из женщин. С распущенными черными волосами до плеч, в джинсах и оранжевой рубашке с индейской росписью бисером она тоже похожа на какую-то киногероиню, например, девушку-хиппи из знаменитого фильма «Забриски поинт»¹¹. — You will reach the Basilica in ten minutes.

— Спасибо, — говорю я по-русски, и европейцы смеются:

— Russians? Пожалуйста!

Мы тоже улыбаемся.

— Where are you from? — спрашивает моя жена, задавая один из самых частых вопросов за границей.

— Spain, — говорит черноволосая. — Madrid.

— Ciudad Bilbao¹², — говорит «моряк», он и вторая женщина, полная блондинка в легкой белой блузке, улыбаются. — What city are you from?

— Ciudad Moscow.

— O, Moscow!.. — испанцы улыбаются, кивают, но я чувствую за улыбками легкое напряжение.

«Эх, — думаю я, — видимо, Moscow, Putin и Crimea в этом году — слова-синонимы...» (Знал бы я, на сколько лет растянется этот синонимический ряд.)

— Catholic? — спрашиваю я.

— Yes, catholic... Are you orthodox? — говорит черноволосая.

— Yes! — с преувеличенной четкостью отвечаю я, и испанцы снова смеются.

Моряк показывает рукой:

— Вы должны пройти мимо большого крытого рынка, почти не заходя в него, — говорит он по-английски, — обойти слева, все время вниз, и выйдете прямо на базилику. Она большая, еще один поворот, и вы ее увидите, но сначала вы увидите ее

¹¹ Фильм «Забриски поинт», режиссер М. Антониони, 1970 год.

¹² Город Бильбао (исп.).

крест, — он показывает указательным пальцем вверх, потом прикладывает к нему палец другой руки. — Только... — говорит он немного извиняющимся тоном, — это базилика of Annunciation¹³, а не Saint Family...

— Oh, really?.. — мы смущены.

— Have a nice day! — желают нам испанцы на прощание.

Пройдя на несколько шагов, мы машем друг другу.

— Чему мы все так обрадовались? — спрашивает Лиза.

— Не знаю... Своих встретили, — говорю я.

— А мы здесь свои? Я видела в Нетании их земляков — они меня даже не заметили.

— Здесь — другое дело.

— Но на Москву они все равно напряглись, — говорит жена.

— А как ты хотела?..

Мы медленно идем по мощенной булыжником мостовой. Жарко. Большинство окон закрыто жалюзи.

«Интересно, давно здесь эта улица?..» — думаю я.

— Как думаешь, давно здесь эта улица? — спрашивает жена.

Я подозреваю, что между супругами со стажем существует некоторая телепатия.

— Эта — лет двести, — говорю я. — Но очень возможно, что раньше здесь тоже была улица и нынешние дома возведены, как часто бывает в этих местах, на фундаменте домов предыдущего времени. Допустим, века четырнадцатого, по-моему, именно в это время Назарет был почти полностью разрушен солдатами очередного султана. А те вполне могли стоять *на месте* или даже *вместе* с домами первого и второго веков нашей эры, тогда ведь строили мало и надолго. И Христос, и Мария, и Иосиф-Плотник необязательно ходили по этой улице, по этому маршруту, но совершенно точно ходили *где-то рядом*. Про Источник на площади я даже не говорю, это единственный источник в округе, и за последние две с лишним тысячи лет там бывали все. Все, значит, и они тоже.

Лиза молчит.

— И как ты к этому относишься? — спрашивает она немного погодя.

— Не знаю... — отвечаю я немного растерянно. — С обалдением. С восторгом.

— Но ты веришь в это?

— Во что?

— В то, что они ходили по этой улице.

— В это, конечно.

— А во все остальное?

Я некоторое время молчу. Мы тихо идем вниз по узкой улочке. Вокруг ни души.

«А куда деваться?» — думаю я и отвечаю:

— Не знаю. Иногда да. Иногда нет.

Испанцы все показали правильно, улица круто поворачивает вниз, то и дело уклон смягчается ступеньками, такими знакомыми уличными ступеньками всех южных приморских городов Европы, от Ялты до Хайфы, проездом через Палермо. Потом мы входим на территорию рынка, многие лавки еще открыты: посуда, ткани, иконы, в глубине каждой — арабский продавец, их как-то почти сразу отличаешь от израильтян, некоторые делают приглашающие жесты, машут нам: «Sir, madam, hi, hi!..»

Один из торговцев, лысый дядька с длинной бородой, стоящий у дверей, придерживает меня за рукав и показывает на красующийся в маленькой витрине глиняный, сделанный под розовую и синюю византийскую мозаику чайник с репродукцией какой-то фрески на темы Annunciation.

¹³ Благовещение.

— Sixty shekels, — говорит он, — so chip...

Я думаю, что местные арабы могут по-разному относиться к Государству Израиль, но к его деньгам они относятся хорошо. Как когда-то относились местные жители к римским денариям.

— Красивый, — говорит жена, рассматривая чайник.

Мы идем так, как показал шкипер из Vilbo, улица делает еще поворот, известковые плиты, которыми она вымощена, отполированы почти до блеска, вверху, между крышами — кусок ярко-синего весеннего южного неба, в открытом ящике для мусора роются кошки, запах соответствующий, форма ящика похожа на российскую¹⁴. «У нас с арабами вообще много общего, — вдруг думаю я. — Кстати, краны горячей и холодной воды в нашем отеле перепутаны, как в России...»

Еще поворот, лавка с очень красивыми платками и шарфами, хозяин, тоже делающий призывные жесты и произносящий замечательный рекламный слоган: купите платок на родине Иисуса, мадам, хороший платок, вечерами здесь холодно, есть стопроцентный cotton, а есть чистая шерсть, pure wool, — купите платок на родине Иисуса Христа, мадам!..

Неожиданно между двумя рядами лавок образуется просвет, вот стена рынка, а вот они, ворота, мы устремляемся к ним и неожиданно выходим на маленькую площадь. Шуримся от солнца — глаза привыкли к тени старого города. Вокруг площади тоже магазинчики для туристов, потом небольшой отель, но над всем царят огромный конус и маленький крест на нем — это католическая базилика Святого Семейства.

— Не Семейства, а Благовещения! — уточняет жена, заглянув в телефон, на площади появляется связь. — Испанцы были правы!..

— А как же та церковь, у которой мы были сегодня, где источник и автобусная остановка? — спрашиваю я.

Жена минуту думает, потом говорит:

— Э-э... Та православная, а эта — католическая. Понял?

— Не очень, — признаюсь я.

Мы останавливаемся и некоторое время смотрим на базилику. Она окружена высокой каменной стеной, у стены стоят несколько больших туристических автобусов.

Мы немного поторопились, но, оказывается, зря: базилика закрывается в девять вечера, у патеров целибат, семей нет, и спешить им некуда¹⁵. Мы входим в ворота, с внешней стороны полицейский пост, большое прозрачное стекло, женщина в форме израильской полиции бросает на нас внимательный взгляд, но «рамки» металлоискателя почему-то нет, храмовый стражник с той стороны ворот делает нам знак, что мы вошли не в ту дверь, тут выход, exit... Я киваю: сорри, в следующий раз, хорошо? Охранник осуждающе качает головой, какая-то пожилая европейская тетенька рядом с ним, посетительница, как и мы, вся в мелких, стального цвета кудряшках, вторит ему совершенно российским тяжелым вздохом и поджатыми губами. Я тяну жену дальше — не обращай внимания, неважно, все это неважно — пошли скорее, я вдруг вспоминаю виденную нами несколько лет назад надпись в старом португальском храме в Индии: «Master is here, and waiting for you!».

Наивно, но правда...

Напоминаю ее тихонько Лизе. Она улыбается, кивает. Мельком отмечаю про себя открытую церковную лавку, все почти такое же, как на рынке: чашки с надписью На-

¹⁴ Vilbo — название Бильбао на языке басков. Форма мусорных ящиков в Израиле действительно почти совпадает с российской.

¹⁵ Увы, большинство православных церквей в России и во всем мире закрывают свои двери в 18–19 часов вечера, а иногда даже раньше.

zareth, статуэтки Христа, иконы Святого Семейства и Annunciation, деревянные и пластиковые крестики... «Надо будет в нее зайти потом, тут такие вещи покупать правильнее, — машинально думаю я и тут же переспрашиваю у себя: — Когда потом?»

Ответ: после того, как мы побываем на том месте, где жили мальчик Иисус, Его Мать и святой Иосиф.

Пауза.

Занавес.

— Arhangel Gabriel appeared to Mary in the house of Joseph... — читаю я вслух знакомый текст, написанный по-английски на большом стенде во дворе¹⁶. — Зачем они это написали?

— Для справки. Видимо, многие посетители не читали, — говорит жена.

5.

Мы входим в базилику. Она очень большая, красивая, в современном стиле, с узкими окнами на фасаде и звучной латинской надписью: «Verbum caro hic factum est» (Слово стало плотью и жило с нами), но если бы не кресты, внешне чем-то неуловимо похожая то ли на большую библиотеку, то ли на концертный зал начала семидесятых годов...¹⁷ Может быть, это свидетельствует о некоем смещении смыслов в культуре, а может быть (и скорее всего), я мало что понимаю в современной архитектуре.

Впрочем, внутри все как всегда: просторно, холодно, стрельчатые окна в витражах, уходящие вверх своды, орган... В принципе, по внутреннему убранству — это обычный католический храм, только очень большой, в центральном нефе ряды деревянных скамей, впереди — алтарь, по стенам иконы в современном стиле, изображающие Деву Марию с Младенцем. Мы подходим ближе — Богородица изображена художниками разных стран, от Эфиопии до Америки. Больше всего мне нравится «японская» Мария — в расшитом цветами синем кимоно, с раскосыми глазами и уже большим, лет четырех или даже пяти, мальчиком на руках. Маленький Иисус с раскосыми глазами тоже одет в кимоно, только в красное, и уже поднимает руку для крестного знамения.

«Русской» Марии среди изображений почему-то нет. Я думаю, что это странно, ведь в России есть католики.

— А где?.. — говорит Лиза.

— Что где?

— Дом Иосифа и Марии — где? Во дворе было написано, что он здесь.

Мы подходим к плотному дядьке в синей, застегнутой доверху куртке, чьи широко расставленные ноги, бритый затылок и цепко бродящий по залу взгляд позволяют безошибочно определить в нем международный тип служащего: охранника-security. Нас опережают две немолодые израильтянки, которые что-то спрашивают у дядьки на иврите. Тот, к моему удивлению, отрицательно и даже сердито машет головой: не понимаю. Добавляет известные нам ивритские слова «Ani lo medaber ivrit»¹⁸. Израильтянки удивленно переадают свой вопрос по-английски — они тоже ищут дом святого Иосифа. По-английски охранник храма понимает. Он сурово (никаких улыбок! все серьезно!) показывает рукой вбок, за колоннаду — there! И добавляет почему-то по-арабски: asfal...¹⁹

¹⁶ По Евангелию, архангел Гавриил явился Марии в доме Иосифа и сказал, что Она родит младенца от Духа Святого и наречет Ему имя Иисус (От Луки, 2).

¹⁷ Если точно — 1968 года.

¹⁸ Не говорю на иврите (ивр.).

¹⁹ Вниз! (араб.).

Мы идем вслед за тетеньками, жена, догнав их, переспрашивает по-английски:

— Вы ищете дом Иосифа и Марии?

Израильтянки энергично кивают:

— Да-да, этот странный тип сказал «вниз».

— Он что, не знает иврита?

Женщины выразительно поднимают брови:

— Говорит, что нет.

Вслед за израильтянками мы спускаемся по широкой лестнице на цокольный этаж и через двадцать ступенек, дорогие мои, попадаем в одно из самых священных мест даже не христианства, а, наверное, всего христианского мира — вы уж простите мне эту высокопарность и категоричность.

Но описываю свои чувства обычными словами.

Место представляет собой окруженные невысокой балюстрадой «замороженные» археологические раскопки, так называемую «крипту» — небольшой кусочек античного поселения первого века нашей эры. Центральной частью экспозиции является закрытая железной решеткой пещера, и нас ждет не то чтобы открытие, но осознание — ведь у небогатых и просто бедных людей в то время домов не было, они жили *в более или менее обустроенных землянках или пещерах*, и, собственно, эта землянка или пещера и есть место, где Марии явился архангел Гавриил.

Согласитесь, дорогие мои, очевидно некоторое разночтение или разность интерпретаций с шедеврами мировой живописи, которые изображают это явление то во дворцах, то в сравнимых роскошью убранства с дворцами, церквах или на фоне прекрасных итальянских пейзажей.

Далее. В пещере все очень скромно, впрочем, как всегда в таких местах в странах, как бы это сказать точнее... — странах непобедившего христианства. Покрытый белой скатертью-индитией «престол»²⁰, небольшое серебряное распятие, священные сосуды для причастия, цветы, причем обычные, и не лилии, а ромашки. На полу — простая ковровая дорожка, сверху на цепочках спускаются несколько лампад.

Верующие и просто посетители по одной лестнице с балюстрады спускаются к пещере, кто-то изредка опускается на колени, кто-то просто стоит, смотрит и фотографирует, кто-то разговаривает, обменивается впечатлениями, поток людей не прекращается — хотя он то становится полноводным, то почти прерывается. Посетители и паломники обычно задерживаются возле пещеры несколько минут, после чего по другой лестнице поднимаются наверх. Все.

Мы с женой дожидаемся, когда перед решеткой останутся два-три человека, и быстро спускаемся. Сначала я делаю несколько лихорадочных снимков, но потом останавливаю себя, опускаю фотоаппарат, пытаюсь успокоиться и становлюсь на колени.

Стоп-кадр. Минуту я стараюсь сосредоточиться, потом тихонько читаю молитвы «Богородица, дева, радуйся» и «Отче наш»²¹. Они короткие, и я знаю их наизусть. Лиза, стоящая рядом, повторяет. По соседству один из посетителей, схватившись руками за прутья и прижавшись к ним лицом, беззвучно шевелит губами. По лицу его катятся слезы. Смотря на него, я вдруг думаю, что, возможно, решетка отделяет не пещеру от нас, а, наоборот, нас от пещеры; что, грубо говоря, за решеткой мы — а не То, что находится с той стороны, и что плачущий человек, стоящий рядом на коленях, немного похож на заключенного. Будто его свобода — там, с той стороны ограды... Но это, конечно, только моя интерпретация... Официально решетка поставлена относительно недавно, из-за угрозы обвала в пещере.

²⁰ Для удобства читателя здесь и далее даны привычные русскому уху греческие, а не латинские церковные названия.

²¹ Важнейшие ежедневные христианские молитвы.

Появляются новые туристы. Они обходят нас, я ловлю несколько любопытных взглядов, это какие-то французы, их язык узнаешь сразу, они громко разговаривают, важный охранник наконец-то сверху реагирует громким «ш-ш-ш!», они понижают голос, но передразнивают его: «Ш-ш!..» — и смеются.

(Кстати, хочу еще раз сухо заметить: базилика католическая.)

Стоя на коленях, я чувствую, что, несмотря на попытки сконцентрироваться, я все же внутренне не совсем здесь, я полностью не остановился, я куда-то бегу, в голову лезут совершенно посторонние мысли, все произошло слишком быстро: автобус, гостиница, чай, пятнадцать минут пешком, и вот мы здесь... Жена потом скажет, что испытывала то же самое: поток людей, голоса, щелчки фотоаппаратов; только в те двести минут, когда у железной ограды не было никого, она вдруг хотя бы отчасти поняла, где находится.

— Это здесь все началось? — тихо спрашивает она.

— Вроде бы да.

Встав с колен и поднявшись по лестнице, мы немного бродим по залу, обходим грот сзади, там в полу сделано что-то вроде больших окон-иллюминаторов из толстого стекла, и можно видеть часть внутреннего убранства крипты, очень-очень бедного. Каменные лежа, стол и даже остатки цветной мозаики у узенькой и неровной, выдолбленной в известняке лестницы, ведущей из пещеры наверх.

Мелькает мысль: это здесь, *по этой лестнице ходили* Иосиф, святая Мария и мальчик Иисус?! Иосеф, Мириам и Йешуа, как их на самом деле звали...²² Сам себе отвечаешь: ну, не сто процентов точно здесь, но по такой же, где-то рядом, может быть, в соседней пещере, на которой теперь стоит фундамент огромной базилики, на расстоянии пяти, десяти, двадцати, пятидесяти метров от нас... Сознание тут же бежит от этой мысли, переключается, уходит в щадящий режим: а... А органные концерты в базилике бывают? Как здорово, наверное, звучит здесь орган во время служб...

Я возвращаюсь обратно, но через несколько минут ловлю себя опять далеко.

Мы выходим во двор.

Странно — кажется, что мы пробыли в гостях у Святого Семейства немного, а на улице уже вечерет и становится прохладно. Значит, прошло больше часа. Во дворе много народу: плотной группкой стоят японцы или корейцы, по два-три человека — европейцы. Кто-то разговаривает (я бессовестно подслушиваю англичан, но речь идет всего лишь о планах на завтра), кто-то делает селфи или фотографируется на телефон на фоне базилики, какие-то девочки, усевшись прямо на полу, разглядывают карту, молодой человек пишет смс, и вдруг в отдалении я вижу обнявшуюся молодую пару. Казалось бы, обычное дело, но это не совсем любовное объятие, я знаю эти как будто немного отсутствующие и одновременно переполненные радостью лица, если не выбирать долго эпитет или выбирать его попроще — это радость от встречи.

Встречи с чем или с кем? Конечно, друг с другом, но — и с Чем-то еще. Если бы я писал богословскую книгу, я бы написал здесь: с Богом. Но это все-таки художественная литература, подобная фраза будет выглядеть не очень уместно, слишком высокопарно, и я просто поставлю многоточие или напишу: с любовью. Любовь усилилась от встречи с Чем-то или Кем-то, явно присутствовавшим в этом храме или в этом небольшом городе, я сам чувствую это, я сам сейчас люблю всех, кого вижу во дворе,

²² На всякий случай уточним: Иисус — греческий перевод еврейского имени Иешуа. Точнее — Йешуа. Йуд (йод), десятая буква еврейского алфавита, с которой начинается имя Иисуса, по-русски читается как «й». Мириам — древнееврейский оригинал греческого имени Мария. Иосеф пишется почти как слышится, тоже «й» вместо «и».

мне всем хочется улыбаться и всех обнимать. Почему — не знаю, но чувство совершенно отчетливое²³.

Еще я думаю: где мы только что были?.. Если это правда, и Они там жили или где-то неподалеку, то... то после посещения этого... этого места, что со мной, что с нами должно быть после этого?.. — спрашиваю я себя. Я вспоминаю Москву, церковь возле моей работы, куда я иногда хожу, потом другую церковь, у дома, и одну из икон иконостаса, первую в ряду главных праздников: протягивающий руку ангел и испуганная молодая женщина перед ним — Благовещение.

— Давай еще раз придем сюда, — говорю я. — Завтра. Как-то я не могу осознать все это сразу.

— Обязательно... Тут рядом еще храм, — говорит жена, — мне только что сказала какая-то польская тетенька, храм of Saint Joseph, Святого Иосифа Обручника, зайдём, посмотрим, что там?

— Зайдем. Только небольшой перерыв сделаем, ок?

Я глубоко вдыхаю, перевожу дух.

«Пауза», — думаю я.

Мы выходим из базилики, обходим ее сбоку и поднимаемся по невысокой лестнице вверх. Желтые опавшие листья инжирового (фигового) дерева на плитах двора, несмотря на апрель, людей вокруг почти нет, я сажусь на стоящую рядом каменную скамейку, и мной наконец-то овладевает хотя бы относительный покой.

«Ну вот, мы и пришли», — думаю я и, кажется, произношу это вслух.

Оказывается, здесь понимают по-русски. Молодой монах-францисканец в коричневой рясе, подпоясанный белой веревкой, проходя мимо, улыбается мне, показывает рукой на открытые двери храма Святого Иосифа и говорит с акцентом, но по-русски:

— Заходите...

— Да-да, сейчас, спасибо, — говорю я. — Мы должны сделать небольшой отдых. Очень много впечатлений...

Францисканец улыбается, кивает. Я некоторое время сижу, и я даже не знаю, читатель, о чем я думаю. В голове крутятся фразы: снова «так все просто, зачем Их писали во дворцах?» и почему-то «а интересно, что здесь было раньше?..». (Когда «раньше»?) Потом я вдруг думаю, что в канонических текстах Евангелия очень мало написано о святом Иосифе и почти ничего не написано о том, что он думал о своем пасынке и о себе. Написано, если переводить евангельский текст на обычный язык, что он был незлой человек и хотел тихо расстаться с Марией, узнав о ее беременности (тогда женщину за это могли забить камнями), но после разговора с ангелом не стал этого делать.

Кроме всего прочего, это означает, что он любил Марию.

Потом он упоминается только один раз, и то косвенно его Женой, когда подростком Иисус-Йешуа потерялся во время ежегодного паломничества в Иерусалим, кстати, тогда Она назвала святого Иосифа — отцом Иисуса... «Мы с твоим отцом беспокоимся о Тебе», — сказала Она²⁴. А что Иосиф сам думал обо всем этом, как он жил — повторюсь, в канонических евангелиях не сказано ничего.

Опять, по косвенным признакам, можно сказать, что он жил хорошо, потому что в Евангелии, в том же отрывке написано, что Иисус слушался и уважал родителей, и еще написана очень интересная вещь, прямо не относящаяся сейчас к этому нашему рассказу, что у Иисуса-Йешуа *были братья и сестры!* Об этом написано не раз, бо-

²³ Биохимические исследования крови, проводившиеся во время и после молитвы у верующих, часто регистрировали повышенный уровень эндорфинов.

²⁴ От Луки, 2. 48.

лее того, один из братьев, Иаков, по-древнееврейски Яаков, точнее, святой Иаков, — это историческое лицо, он упоминается у римских историков, так вот, он был первым епископом, главой первой христианской общины в Иерусалиме после ареста и казни Христа...²⁵ То есть ареста, казни и вознесения... Согласно семейной психологии, если бы родители жили плохо или, у Иосифа с его Пасынком были бы плохие отношения, брат вряд ли бы стал последователем Иисуса — причем очень деятельным последователем и проповедником новой веры.

Впрочем, историки Церкви и богословы хором говорят, что это был *сводный* брат, что это были *сводные* братья и сестры Иисуса, дети Иосифа от предыдущего брака, но в Евангелиях не написано об этом ни слова. Там просто сказано — «братья» и «сестры». Можно только предположить, что они были младшими, потому что Марии на момент замужества, по Евангелию, было двенадцать лет.

Жена трогает меня за руку:

— Ты где? Пошли, а то вдруг закроют.

— Не закрой, это католики... Я же говорил: они домой не торопятся.

Мы входим в храм. У дверей табличка по-английски и почему-то по-польски: «Church of Saint Josef, Boznica Swiety-Jozef» — и приписка: «Построено в 1914 году».

«Интересно, в каком месяце? Прямо перед мировой войной, — думаю я. — Кто-то успел».

Boznica «Swiety-Jozef» много меньше базилики Благовещения и сильно отличается по архитектурному исполнению — это так называемый псевдогоготический стиль, то есть более-менее современное подражание готике, но внутри храмы очень похожи — те же ряды скамей, такой же скромный алтарь, за ним три фрески: «Явление Иосифу Ангела во сне», «Святое семейство», «Смерть Иосифа». В притворе, говоря обыденным языком, прихожей церкви — картины, изображающие сцены из жития.

Мы подходим к одной из них: мальчик десяти-двенадцати лет и взрослый бородастый мужчина за плотницкой работой. Совершенно обычные лица. Никаких нимбов.

Сзади подходит экскурсия.

Она русскоязычная, и я слышу, как экскурсовод говорит: художник такой-то (к сожалению, не запомнил), очень редкий сюжет — отроческие годы Христа. Мы некоторое время со странным ощущением смотрим на картину: она явно привезена сюда из Европы, на заднем плане — деревья средней полосы, чуть ли не елки, в руках Иосифа и его Пасынка обычная двуручная пила, дом деревянный, бревенчатый, бедный, но двухэтажный — это вовсе не землянка... Потом мы двигаемся за экскурсией, судя по мягкому «г» экскурсантов, скорее всего, украинской, слушаем даму-гида, повторяющую известные места из Евангелия, потом спускаемся по лестнице на минус первый этаж, в «крипту» — почти такую же, как в базилике. Жена, наверху сверившаяся с Интернетом, говорит, что, по церковному преданию, здесь находилась мастерская святого Иосифа.

«Значит, мальчиком и юношей Иисус бывал здесь или где-то рядом много раз», — думаю я, и экскурсовод подтверждает:

— Мальчиком Иисус частенько проводил здесь целые дни, помогая отцу... То есть что я говорю, отчиму!.. — поправляется она.

В полу, под слоем толстого прозрачного пластика — опять пещера-крипта, каменные ступени вниз, какие-то старые ржавые плотницкие орудия в углу (видимо, мона-

²⁵ Например: От Матфея, 12. Кроме того, Письмо апостола Иакова входит в основной текст Евангелия в разделе «Соборные послания» — будет время, посмотрите, как-никак это написал брат Иисуса Христа.

хи поставили для усиления впечатления, но орудия выглядят не старше девятнадцатого века), каменный стол, внизу каменной лестницы — углубление, экскурсовод говорит, что это углубление было наполнено водой и предназначалось для мытья ног пришедших с улицы — такой античный половичок... Одно из отверстий в полу храма забрано не пластиком, а железной решеткой — и известняк внизу усыпан разноплеменными монетками, мелкими банкнотами и исписанными листочками бумаги. Их так много, что я не сразу понимаю, что это.

Лиза наклоняется ко мне:

— Это записки, записки Святому Семейству.

И тут же при нас молодая кореянка бросает сложенную вчетверо бумажку вниз, между прутьями, что-то шепча при этом и крестясь.

— Давай и мы бросим? — говорит жена.

Я пожимаю плечами:

— Что за язычество, зачем?

— Да, немножко, — улыбается Лиза. — С одной стороны. А с другой стороны — обычай, традиция. А как известно, традиция делает нас психологически устойчивее и облегчает контакт с реальностью. — Она опять чему-то улыбается. — Так что пиши.

Я было делаю недоверчивое лицо, но она вырывает из потрепанного, на три четверти исписанного рабочего московского блокнотика два листочка в линейку, один протягивает мне, с другим поднимается наверх, садится в деревянное кресло в одном из рядов и что-то быстро пишет... Я некоторое время сижу рядом и думаю, писать ли мне и о чем, но потом будто просыпаюсь и почти вздрагиваю: если эти записки... Хм, если эти записки *читают*, то о чем же я думаю?.. Но как их читают *и кто?* — тут же спрашиваю у себя я и привычно, чуть ли не с облегчением, усмехаюсь.

Я хочу сказать о своих мыслях жене, но она пишет, и я молчу, не хочу мешать. Ведь вера — это очень личное дело.

Кстати, Западная стена в Иерусалиме, русские почему-то называют ее Стеной Плача, главная иудейская святыня — в городе, где через неделю, на Пасху, мы должны оказаться — она вся утыкана записками... «Не оттуда ли пошел этот обычай?.. — думаю я. — И даже если это только обычай, старинный обычай, не больше — ведь Адресат этих записок, если Он есть, видит сразу все: и то, что написано, и то, что нет, — то что с того? Их не надо писать?..»

Вот я читал, что предпоследний Папа Римский Бенедикт XVI очень интересно последовал этому обычаю: он написал «Отче наш» на бланке Ватикана, и воткнул в расщелину Западной стены. То есть папа мало того, что верил, что Его послание будет доставлено и прочитано, он, более того, подал его на официальном бланке, по-видимому рассчитывая на ускоренное рассмотрение. И наш предпоследний патриарх Алексий сделал то же самое — правда, вроде бы на обычной бумаге, у отца Алексия с чувством меры было все в порядке.

«По вере вашей воздастся вам»²⁶, — вспоминаю я сейчас, в Москве, но тогда нет, не вспомнил — просто с иронической полуулыбкой написал свои маленькие просьбы за родственников и за себя, сложил бумажку вчетверо, подождал Лизу, потом, спустившись вниз, мы бросили свои записки вниз, между прутьями решетки в полу, и они упали на камни рядом с многими другими такими же.

Психолог, конечно, сказал бы, что это самовнушение, вербализация желаний, кстати, весьма полезная вещь, но когда я сочиняю эти «письма русского путешественника» у себя дома, глядя на занесенный снегом ночной московский двор, вы знаете, поразительная вещь — в Москве я верю больше, чем на месте событий! — и потихоньку

²⁶ От Матфея, 8 и 9.

шептал «Отче наш», прямо как римский первосвященник — будто снова обращаясь к невидимому почтальону с просьбой о быстрой и точной доставке... Может быть, потому, что верить издалека легче, чем вблизи? Не знаю... А тогда, в Назарете, кинув записку вниз, в крипту, где, возможно, была мастерская человека, воспитывавшего Иисуса Христа, я на мгновение замер и превратился в одно большое ухо или глаз, прислушиваясь или присматриваясь к чему-то, может быть, вокруг, но скорее всего, к себе — но в тот раз ничего не услышал и не увидел.

Повторюсь, записка просто упала на камни.

6.

Странно, но после этого, будто сделав какое-то важное дело, торопясь, мы поклонились крипте, потом на верхнем этаже алтарю — и почти выбежали из храма во двор, а потом, через вертушку на воротах на улицу, мы как будто убегали от чего-то. От чего? Наверное, от слишком больших впечатлений, которых в тот маленький день для нас было слишком много.

Еще в церкви Святого Иосифа я почему-то вспомнил о перекрестке неподалеку от базилики, который мы проезжали на автобусе по дороге сюда: я видел там большую старую оливу и столики уличного кафе вокруг. Я вдруг представил, как минут через пять-десять мы будем там сидеть, присутствуя и не присутствуя одновременно, вспоминая и размышляя о том, что мы только что видели. Предложил жене: пошли?

Мы медленно спустились по мощенной брусчаткой улице, ища глазами старую оливу и кафе возле нее, но их нигде не было. Везде в более-менее приличных местах было много туристов и стоял постоянный гвалт от разговоров, нам пришлось выйти на главную улицу и уже там спросить, помогая себе в разговоре жестами: где здесь старое дерево на перекрестке, очень старое, я показываю пальцами и руками узловатый ствол — оказалось, я хорошо показываю, потому что это было рядом — всего минут пять пройти вперед. Только столики вокруг дерева мне показались — на самом деле они стояли через дорогу.

Кафе было арабским, дешевые пластмассовые столики и кресла стояли прямо на плитах тротуара, на проходе, как могли бы стоять где-нибудь на московской или питерской окраине. Но в целом место было правильное: без туристов, с двумя-тремя местными посетителями, с взятой в рамку зеленой цитатой из Корана над кассой, большим прилавком сладостей, мужчиной-поваром, раскатывающим тесто прямо в зале, постоянно булькающим на электропечи большим медным чайником и уже знакомыми нам по другим странам Востока стеклянными стаканчиками для чая, ормудами. А взгляд хозяйки был почти российским, знакомым — не очень-то дружеским, даже сердитым, без улыбки и дежурного «How are you» или «Ma nishma?»²⁷. Мы сделали заказ, по требованию сердитой дамы заплатили вперед и уселись, повторюсь, прямо как у какой-нибудь «стекляшки» в Филях или на Беляево.

Мимо нас густым потоком шли люди, метрах в четырех-пяти от столика по государственной дороге № 60 (она же главная улица города Назарет) двигались машины, туристические автобусы, велосипеды и даже маленький ослик с поклажей.

Через несколько минут сын хозяйки вынес нам чай и сладости, с несколько натянутой, но все же улыбкой (новое поколение) разгрузил все это с подноса на стол, махнул по нему тряпкой, пробормотал что-то вроде «please» и ушел... Первые минут пятнадцать мы молча пили чай и смотрели по сторонам, потом начали потихоньку разговаривать. Не помню, о чем мы говорили сначала, кажется, о том, что это очень

²⁷ Как дела? (ивр.)

и очень странно — крипта Благовещения и собор Святого Иосифа с мастерской, а вот рядом — арабское кафе, и местная, совсем другая жизнь, и другое время. На расстоянии двухсот метров — всего-то.

Кстати, если опять быть Фомой Неверующим и сказать, что все, все это, прости Господи, не очень ясно: конкретно ли эта мастерская была мастерской Святого Иосифа? Конкретно ли в этой пещере Они жили, да и жили ли вообще здесь? Ведь все это только *церковные истории*, упорно повторяемые две тысячи лет, но прямых доказательств-то нет... Известно лишь, что на месте базилики когда-то стояла церковь второго века нашей эры, вроде бы построенная византийской царицей Еленой на основании устных рассказов пожилых жителей Назарета²⁸. И, говоря я сам себе, царица Елена расспрашивала местных жителей всего около трехсот лет спустя после того, как Иисус, Мария и Иосиф жили в этих местах. Триста лет — конечно, не пятьсот и не тысяча, еще могли быть живы люди, прадеды которых помнили эту семью и передавали эти рассказы через поколения... То есть вероятность есть. Допустим, если переводить чувства в цифры, что она, эта вероятность, пять или даже шесть из десяти — это много... Но сознание снова убегает, закрывается, не принимает этот факт, и если позволить ему это сделать, оно говорит: да, вероятность высокая, пятьдесят или шестьдесят процентов, но это не сто.

А делали ли изотопный анализ мозаик на полу?.. — спрашиваете вы себя с легким недоверием. Или: Василевса Елена — это хорошо, и триста лет — это немного, но как сохранилась память об этом месте за пятьсот лет арабского завоевания, после 755 года, когда византийская церковь была разрушена, а почти все христиане изгнаны, убиты или обращены в ислам? По византийским летописям? Хорошо. Но...

И так далее.

Но мы сейчас не будем, как обычно, спорить сами с собой, просто спросим: да так ли уж это важно, дружище, где конкретно они жили? Важно, что где-то здесь. Ведь не может же быть, чтобы люди обманывали себя две тысячи лет, потому что... Потому что это было бы очень грустно. То есть потому, что, говоря словами главного апостола христианства и одного из авторов Нового Завета Павла (Саула) из Тарса, «если Христос не воскрес, и вера наша тщетна, мы — несчастнейшие люди на свете»²⁹.

— А мы хорошо там побыли, — вдруг говорит жена. — Я где-то читала, что сам Николай Васильевич Гоголь путешествовал в этих краях, но мало что почувствовал здесь. То есть вообще. Он потом написал Жуковскому, что просто просидел где-то два дня на лавочке, как мог бы просидеть на российской уездной станции, и все...³⁰ No feeling... Я этого боялась. Слава богу.

Я молчу. «Интересно, а какой Он был на самом деле, этот мальчик Иешуа-Иисус?.. — думаю я. — Черненький, как все местные дети, похожий на мальчишек, которых мы видели сегодня, курносых, с пейсами и прямыми иссиня-черными волосами, или кудрявый, как некоторые местные дети — как его изобразил, например, русский иконописец Симон Ушаков?»³¹ Веселый, открытый — почти как все дети — или грустный и замкнутый; отношения в семье были хорошими, но все же, по канонической версии,

²⁸ Важное имя для нашей книги. Императрица Елена, полное имя Флавия Юлия Елена Августа (250? — 330? н. э.) — мать римского императора Константина I, прекратившего преследования христиан, сама до 314 года — тайная христианка. По одной из версий — «простого» происхождения. Ок. 326 года н. э. совершила паломничество в Иудею и провела первые археологические раскопки, а также заложила первые храмы на местах основных евангельских событий.

²⁹ Апостол Павел, 1-е Письмо христианам в Коринфе, 15. На наш взгляд, одно из самых пронзительных мест в Новом Завете. Тарс (сейчас Тарсус) — город в Южной Турции.

³⁰ Н. Гоголь. Письмо В. Жуковскому, 1848. ПСС, т. 8.

³¹ Симон (Семен) Ушаков, иконописец, XVII век, Москва.

Он был младшим ребенком в большой семье... Высокий Он был или маленький, худой или крепыш, и главное — знал ли Он о своем... своем «предназначении», скажем так, или это «знание» пришло к нему позже? По Евангелию — знал³². В римские времена в знаменитом городе Александрии некоторые восточнохристианские богословы исповедовали очень интересные, хотя и немного экзотические взгляды: считали, что тогда нет, тогда Он не знал³³.

Правда, как я уже говорил, у евангелиста Луки есть известный отрывок о том, как двенадцатилетний Иешуа потерялся во время ежегодного паломничества Марии и Иосифа в Иерусалим и только через три дня нашелся в иерусалимском Храме сидящим среди знатоков Торы, «и все, кто слышал Его, удивлялись Его уму и ответам»³⁴.

Хорошо, это в двенадцать лет, а до?

Я читал несколько средневековых апокрифов о Его детстве, но все это были просто сказки. В одном из них Иешуа-Иисус был изображен мстительным и по-детски жестоким, я помню, как растерялась, прочтя этот текст, одна хорошая знакомая, ей даже потребовалась специальная беседа с настоятелем церкви, в которую она ходит. Слава богу, отец-настоятель оказался умным человеком и объяснил ей, что все это позднейшие рефлексии и фантазии об Иисусе, по-человечески очень понятные, но к реальности отношения не имеющие... А что имеет отношение к так называемой реальности, мы точно не знаем, — тихо замечу я.

— Ты где? Сладости вкусные, на попробуй, — жена трогает меня за руку и прерывает то странное, немного отсутствующее состояние, в которое я погрузился. — Это шербет, я ела его в Средней Азии, похоже... Но вообще нам надо нормально поесть, вечереет.

Я машу рукой:

— В гест-хаусе поедим, мы же договорились.

— Ты как хочешь, а я закажу фалафель, — говорит жена, — здесь он должен быть вкусным, как-никак местные умельцы делают его уже лет четыреста, — она смеется.

Поскольку сотрудников не видно, она идет в кафе, а я продолжаю свои размышления. Странное волнение овладевает мной. Я вглядываюсь в лица прохожих, вслушиваюсь в голоса и будто бы ищу кого-то среди них.

— Что-то случилось? — спрашивает Лиза, подходя.

— Все в порядке, а что?

— У тебя какое-то странное лицо.

— Да нет, — я откидываюсь на спинку стула, машу рукой. — Не обращай внимания. Стал искать кого-то в толпе.

— А-а, — говорит Лиза, — понятно. *Кого-то...* Думаешь, все будет так просто? Ты сидишь, а Они идут мимо, да?

В ее руках завернутая в промасленную бумагу большая лепешка.

— Вкусно, хочешь попробовать? Ты ел это когда-нибудь? Попробуй, — она протягивает мне пакет с лепешкой.

Я осторожно пробую. Внутри лепешки нет мяса — там только растительный белок, шарик из фасоли и орехов, зелень, огурцы, какая-то пряность, все завернуто в лист салата, а сверху салата — тесто. Блинчик с овощами, как сказали бы дома.

Мимо нас в кафе проходит арабская семья. Крупная мама в красивом темно-синем платье и с ярким макияжем, седовласый папа с большими усами и в «тройке», не смотря на более чем теплую погоду, и трое ребятишек примерно от пяти до четырнад-

³² От Луки, 2.

³³ См. так называемые африканские ереси.

³⁴ От Луки, 2.

цати лет: старшая девочка уже в хиджабе, хотя в модных больших кроссовках и розовой курточке. Младшие тут же на нас уставились. Я улыбнулся детям, жена родителям, ответа почти не последовало — только старшая девочка несмело улыбнулась в ответ и тут же опустила глаза.

Через минуту выглянул официант. Он ничего не предлагает и не спрашивает, просто выглядывает. Наверное, он смотрит, все ли у нас в порядке. Но без улыбки. Выглядит так, будто он проверяет, не ушли ли мы — но с чего бы, ведь мы заплатили вперед?.. В обычный день я бы почувствовал раздражение, сейчас мне все равно. Ну, почти.

— А во времена Христа здесь были арабы? — спрашивает жена.

— Кажется, нет.

— А кто был?

— В основном иудеи и римляне, а еще самаряне и финикийцы, если я ничего не путаю... Но это туда, на север, — я машу рукой в предполагаемую сторону севера. — Тут же была римская провинция Галилея, что-то вроде автономной республики в составе России, только порядки жесточе. У них даже выговор был особый — из-за соседства других народов. Матфей пишет, что в дни ареста Иисуса в Иерусалиме апостола Симона-Петра узнали по этому выговору³⁵.

Мы почему-то снова оглядываемся, мы как будто в инсайте, из которого никак не можем выйти... Вот мостовая из грязных плит, вот пластмассовые столики, вот вывески арабских лавок, пыльные цветы гибискуса, а рядом — небольшая площадь или перекресток, в центре его стоит старая олива. Я вспоминаю, что читал где-то, что эти деревья могут жить очень долго, около тысячи лет — то есть конкретно это дерево видело крестоносцев и арабских воинов Сулеймана Великолепного так же, как видит нас...

Я испытываю странное ощущение, это ощущение пространственно-временной путаницы. А еще — своды огромного собора вокруг небольших пещер в земле — можно сказать, отсюда начались все христианские церкви в мире или от этих пещер — до пещеры (землянки) Рождества в Вифлееме, откуда они начались, условно говоря, два шага, несколько часов на машине. Но там Мария-Мириам, Иосиф-Йосиф и младенец Иисус провели совсем немного времени, а здесь они прожили *больше тридцати лет*, почти всю (земную) жизнь Иисуса и больше половины жизни Марии и Иосифа.

И я, сидя за этим грошовым столиком на современной восточной улице в двадцать первом веке, я чувствую себя немного в том времени, когда они жили в этих местах. Оно будто проступает или немного просвечивает сквозь наше. Да и физически — остатки его где-то рядом. Мы же видели крипты в базилике и храме Иосифа: метр-полтора вглубь через песок и мелкие камни — и вот они.

Кстати, некоторые русские богословы считали, что здесь жили родители Марии, хотя каноническая версия и раннее христианское богословие говорят об Иерусалиме³⁶. В житейском плане она понятна: почему Иосиф и Мириам-Мария выбрали именно Назарет, ведь Иосиф был родом из Вифлеема? Потому, что у кого-то из них там были родственники³⁷.

Жена дотрагивается до моей руки:

— Ау? Что будем делать дальше? — спрашивает она.

³⁵ От Матфея, 26.

³⁶ Иерусалимская версия изложена, например, у знаменитого Иоанна Дамаскина (VII–VIII века н. э.), в книге, известной на русском языке как «Точное изложение православной веры» (в книге 4-й).

³⁷ Назаретской версии придерживался известный русский богослов, святитель XVII века Дмитрий Ростовский.

Я пожимаю плечами:

— Не знаю, все равно.

— Ты, случайно, не рассердился, что я сказала, чтобы ты писал записку там, в храме?

— Да нет, нормально...

— Вдруг... — говорит Лиза. — Ну, вдруг?

— Если только «вдруг».

— Был такой американский психолог, Уильям Джеймс, — говорит Лиза немного позже, — я читала его в университете, он писал, что вера в Бога в каком-то смысле выгоднее, чем атеизм.

— *Выгоднее?*.. Как это?

— По-моему, там перевели так. Главная мысль автора была в том, что в случае веры жизнь становится эмоционально богаче³⁸. Еще он написал, что если ты веришь, то для лично для тебя — Бог есть.

Некоторое время мы молчим.

«Пожалуй», — думаю я.

— Давай побродим по городу? Уйдем с главной улицы, зайдем в пару магазинов, еще сядем где-нибудь, посмотрим, как поживает город Назарет, — предлагает Лиза.

— Мы уже сидим, — говорю я.

— Ну, тут все-таки рядом туристическое место, главная улица.

Мы оставляем чаевые на столе, прощаемся с официантом и через стекло получаем в ответ кивок с кривой улыбкой.

— Может быть, они нас боятся? — осеняет жену.

Я пожимаю плечами:

— Вряд ли. Скорее всего, они слегка обсчитали нас.

И мы идем дальше вниз по улице от базилики Благовещения и старой оливы на перекрестке.

— Слушай, — жена вдруг показывает на магазин «Nike» на другой стороне улицы, он немного странно смотрится здесь. — А давай зайдем? Слегка переключимся. А то как-то слишком сильное ощущение... Потом, забавно купить майку или кеды в Назарете и потом ходить в этом по Москве. Обычные, без всяких надписей, майку и кеды, знать, откуда это, будешь только ты.

Я киваю. Я же говорю, мне в общем все равно, куда заходить. Мы переходим улицу, я бормочу только, что это «знание» может либо дорого стоить, либо быть подделкой.

— Подделкой чего? — иронически спрашивает жена, и я соглашаюсь:

— Действительно, чего?

7.

Мы переходим улицу по «зебре» (позднее я узнаю, что светофор, которым мы воспользовались, единственный в городе), поднимаемся по широкой лестнице, и стеклянные двери разъезжаются перед нами.

«Здравствуй, миръ, давно не виделись», — со смешанным чувством радости и какого-то странного раздражения думаю я. Будто бы эти раздвижные двери — какая-то осязаемая граница, тамбур — из какого? Первого, двенадцатого или четырнадцатого века нашей эры — в двадцать первый.

Мы входим. Главное достоинство магазина «Nike» в городе Назарет — хороший кондиционер. В магазине почти холодно, и это актуально в месяц нисан, даже когда

³⁸ Уильям Джеймс — американский философ и психолог XIX века. Скорее всего, героиня имеет в виду его книгу «Воля к вере». М., 1995.

солнце клонится к закату. Далее ряды товара, аккуратно разложенные на полках, ассортимент не очень богат и напоминает ассортимент спортивного магазина где-нибудь в российской глубинке; продавцы в знакомой униформе, зеркала на стенах, и почти никого народу.

Особенное впечатление производят на нас толстые войлочные тапочки — впоследствии нам объясняют, что в них нет ничего необычного, зимой в этих местах бывает холодно, полы, как правило, каменные, а отопление, как везде на юге, — дело не дешевое... Однако, увы, все хоть сколько-нибудь симпатичное в филиале фирмы «Nike» в городе Назарет присутствует в очень малом количестве и стоит дорого. Конечно, не так дорого, как в Москве, но ощутимо.

«Но раз ценник стоит, значит, есть покупатель, — думаю я, — значит, в Назарете имеются свои хипстеры и модники». Я замечаю прикольные зеленые кеды и советуясь с женой — не купить ли? Разумеется, это сострочили где-то недалеко, я смотрю на ярлычок внутри — сплошная арабская вязь, но действительно, как забавно будет ходить в них по Москве — ведь я-то буду знать, откуда они!.. А если немного поносить их здесь, в подошвы проникнет местная пыль, и я принесу ее в Москву. Добавлю немного святой землицы в землю Первопрестольной — ей не помешает... Жена тоже присмотрела себе кое-что: майку с принтом в виде черно-белого фото Иерусалима 1920—1930-х годов. Вот только цена тоже высоковата. Мы долго торгуемся с продавцом, он говорит, что в магазине фиксированные цены, сорри, и только когда я прибегаю к последнему средству — делаю вид, что собираюсь уходить, он уступает и соглашается. Платим русской карточкой, будто мы на Никитском бульваре или в Беляеве, и выходим из магазина с фирменным пакетом, который довольно странно смотрится здесь.

— Интересно, — говорит жена, — а в Его время здесь были одежные лавки? На рынке должны были быть... Ведь Мария была совсем молодой женщиной, и святой Иосиф водил ее по тряпичным магазинам... Или Назарет был слишком маленьким городом, чтобы иметь свои лавки одежды, и они ездили в города побольше? Помнишь, мы читали про какой-то Сепфорис — это неподалеку, там даже античный театр остался³⁹.

— Я тебе еще более странный вопрос задам, — говорю я. — В какой-то момент мне захотелось спросить: а не бывали ли Они — в этом магазине? У меня вдруг возникло такое чувство — только не думай, что я повредился в уме.

— Они везде тут бывали, — говорит жена. И добавляет: — Такое чувство.

На следующем перекрестке овощная лавка. Темнеет, зажигаются фонари, и в их свете помидоры кажутся краснее, а зелень — густо-зеленой.

Вы будете смеяться:

— И здесь тоже бывали? — спрашиваю я.

Мы выбираем несколько помидоров и пучок зелени.

— Сделаю салат, — говорит жена. — Сын хозяина сказал, что кухня в нашем распоряжении. Неизвестно, что у них за ужин, в любом случае будет кстати.

— Is it made here? — спрашиваю я у небритого продавца.

Он слышит знакомое слово и кивает, обводит рукой окрестности:

— Here, here.

— Назаретские помидоры и назаретская петрушка! — говорит жена. — Ты не знаешь, как быстро меняется внешний вид растений?

— Две тысячи лет — для них ерунда, — говорю я. — Но при Иисусе помидоров здесь не было.

— Не поняла?

³⁹ Историческая столица Галилеи, сегодня только археологический памятник.

— Их тогда ели только ацтеки и, может быть, инки⁴⁰. А петрушка была точно такая же, разве что поменьше — искусственного орошения не было.

— А, ну да... — Жена улыбается, качает головой. Берет в руки зеленую веточку петрушки, рассматривает, кладет обратно в пакет.

Мы медленно бредем по улице, я надеюсь снова набрести на нетуристическое кафе или хотя бы скамейку, но ничего нет, вокруг четырех- и пятиэтажные дома, в открытых окнах горит свет, слышны голоса, звяканье посуды — время ужина и проверки школьных уроков у детей; в одном из окон я вижу совершенно обыкновенную люстру с белым тканевым абажуром из «Икеи», такую я мог увидеть в каком-нибудь окне в Москве или Питере, и я радуюсь ей как старой знакомой. Меня напрягает некоторое безлюдье, часто раннее, даже восьми еще нет, и на ближайшем перекрестке мы поворачиваем в сторону главной улицы.

— А интересно, русские здесь есть? — говорю я. — Ну, кто-то вышел замуж или женился — например, когда учился в СССР или России?

— Конечно, — говорит жена. — Они везде есть. Живет какая-нибудь Зина или Марина на этой улице и растит двух смугленьких мальчиков или девочек. Почему нет?

— А что она думает о базилике и криптах? — спрашиваю я.

— Да ничего, в основном привыкла, наверное, — говорит жена. — Что думает человек, живущий, например, в Сергиевом Посаде о храме преподобного Сергия? Если он верующий, он вспоминает его, и ему становится хорошо, а если нет — он просто привык... Ну, красивая церковь, золотые купола — и все. А может быть даже, эта Зина-Марина приняла ислам... Есть, правда, вероятность, что она вышла замуж за араба-христианина. Я прочитала в автобусе, что раньше их было тут много... Литургия в назаретской церкви каждое воскресенье — ей можно позавидовать, а? — и Лиза вздыхает⁴¹.

Поздний вечер, главная улица, зеленые скатерти на столиках и плетеные «французские» кресла кафе-мороженого известной европейской сети на не очень чистом тротуаре, где какие-то местные, криминального вида бородатые мужики напряженно обсуждают дела. Основная же часть публики сидит внутри. Здесь мы проведем наш первый вечер в Назарете. Не могу удержаться от реплики: Назарет — это вам не Нетания и не Тель-Авив, это настоящий Восток, друзья мои, и вечерняя улица здесь не пространство для отдыха.

Мы побывали в гест-хаусе, но там нам не понравилось, обычное тусовочное место, и непонятно, где мы — в Назарете или на Бали?

Кафе, в которое мы пришли, естественно, безалкогольное, ислам запрещает алкоголь, но внутренний интерьер при этом абсолютно европейский, двенадцать сортов мороженого и куча разных сладких наполнителей. Заведение очень даже креативное и оформлено как стандартное кафе этой сети, в смысле, никаких вдруг фресок с библейскими сюжетами на стенах, только сочетание оранжевого, белого и зеленого, только пластик, металл и стекло; зайдя в него, вы, согласно задумке организаторов и устройству человеческой психики, на какое-то время вполне можете почувствовать себя на знакомой и безопасной территории, в Милане, Питере или Варшаве... Единственная особенность — окна на улицу, то есть их практическое отсутствие. Они были узкими и длинными, как бойницы, шириной сантиметров тридцать-со-

⁴⁰ Просим прощения за банальное напоминание: один из самых ранних примеров международной торговли — помидоры и картофель были завезены в Старый Свет после открытия Америки, то есть после XV века новой эры.

⁴¹ Божественная литургия, евхаристия (греч.) — важнейшая церковная служба недели.

рок, и находились под самым потолком. Вместо них — разрисованная цветными полосами стена.

Среди посетителей — местная молодежь. Туристов мало — вечер. Согласно рекомендациям путеводителей, все отсиживаются в гостиницах — там безопаснее. Только мы и еще одна молодая пара, судя по языку, кажется, из Греции; днем, когда мы проходили мимо, европейцев было гораздо больше.

Зато местных много — заняты почти все столики. Я машинально отмечаю, что двое плотных мужчин за стойкой, судя по брошенному на нас внимательному взгляду, по совместительству с работой барменов, похоже, выполняют функцию охраны. Но от кого они охраняют кафе, если рядом отделение полиции?.. От своих земляков?..

Основной же персонал кафе — симпатичные молодые девушки, причем две или три из них настоящие красотищи. Девушки дарят нас улыбками, хором, мелодично, как гурии, говоря свое всемирное «hi!».

Еще я думаю, что проедь мы на местном городском автобусе несколько остановок вверх, в чинный, расчерченный на аккуратные кварталы ухоженных коттеджей соседний израильский городок Нацрет-Иллит — и палитра эта будет совсем иной, много спокойнее, привычнее, с традиционным баром со спиртным, музыкой и пьяными посетителями, но гораздо беднее по набору эмоций.

Мы заказываем мороженое и кофе, сверху мороженое поливают шоколадом, я на минуту вспоминаю детство — такое мороженое мне покупал дед, когда мы с ним и с бабушкой отдыхали летом в Прибалтике. Я думаю, что моему деду, советскому еврей, понравился бы Израиль, в котором он никогда не был, но о котором много слышал сквозь помехи по «Голосу Америки» и регулярно читал гадости в советских газетах, и что если Бог и его Рай есть, то дед, наверное, радуется, глядя на нас сейчас откуда-то сверху...

Мы садимся в уголке и начинаем разглядывать посетителей и меню, крупно написанное по-английски цветным мелом на грифельной доске над стойкой. Больше всего молодежи, но, как ни странно, это компании только парней, две девушки в хиджабах, опустив глаза с длинными черными ресницами, занимают столик в углу; в центре зала большая семья: молодая мама в светло-коричневой парандже, но не строгой, а открывающей лицо, у нее хорошее, симпатичное лицо мамы большой семьи, я представляю ее на кухне у плиты, в детской спальне, вечером перед зеркалом втирающей ночной крем в лицо и шею; папа, усатый брюнет лет пятидесяти, похожий на школьного учителя физики или инженера; две смешные дочки, кажется, погодки лет по девять и десять, их волосы еще не покрыты — все с аппетитом едят мороженое.

Алкоголь для мусульман запрещен, даже вино: усатый папа тянет через трубочку розовый молочный коктейль, мама и дочки коктейль с зеленоватым оттенком — идиллическая картина!.. «Интересно, — думаю я вдруг, — а в это кафе Они тоже иногда заходят? Йешуа, Его Мать, Йосиф? Вот... как эта семья?»

Дорогой читатель, не смеяся, я — не сумасшедший, и я не оговорился, но ощущение чьего-то «присутствия» очень часто появлялось у меня в городе Назарете. И не только в этом городе, вы помните, я уже говорил — даже в построенной восемьдесят лет назад и населенной в основном новыми иммигрантами абсолютно мирской Нетании я выходил ночью на балкон квартиры друзей, смотрел на освещенный фонарем пустой перекресток с мигающим желтым светофором и невольно чего-то или кого-то ждал... Кстати, это чувство ожидания — я слышал о нем от многих, кто бывал в этих местах.

Но я продолжаю описывать наше «здесь и сейчас», продолжаю стараться оставаться спокойным и даже проявляю иронию и самоиронию — чтобы не впасть в мелодраматическую... Так вот, окружающие посетители тоже разглядывают нас, как это принято

в кафе по всему свету, разглядывают в целом дружелюбно, только какой-то прыщавый молодой человек с высоким и очень худым другом смотрят с характерной для стран Азии и Африки демонстративной презрительностью.

«Комплексуешь перед европейцами, зайка? — немного сердито и, увы, совсем не по-христиански думаю я. — Комплексуй, комплексуй... Что тебе остается?»

— Пойдем, может быть, все-таки на улицу? — говорит жена. — Здесь как-то неинтересно.

— А как ты думаешь, сюда Они заходят? — спрашиваю я.

— Сюда?.. — жена на минуту удивляется. — Вряд ли...

Через минуту более серьезно спрашивает:

— То есть ты думаешь, что Он, то есть... что Они бывают здесь в... *физическом теле?*

Я пожимаю плечами:

— В физическом или нет, не знаю. Я не богослов. Но теоретически могут. Подобные случаи в специальной литературе описаны.

— Ты мистик, милый? — спрашивает жена. — Не замечала этого за тобой раньше. По-моему, не заходят — согласно Евангелию, или я что-то неправильно понимаю? По-моему, Он сказал, что *вернется*, но не сказал, что *будет возвращаться*, не так ли?⁴²

— Так, так, — бормочу я.

— Чудес хочешь? — догадывается жена. — Я еще днем у старой оливы заметила. Не уверена, что они будут, разве мы хоть немного просили, то есть молились об этом?.. Ты сам рассказывал, что какой-то афонский святой молился о встрече с Иешуа-Христом четырнадцать лет, так что, если исходить из этого опыта, у нас шансов довольно мало...⁴³ И наверное слава богу, потому что — не знаю, как ты — я не очень готова. Это ведь серьезное дело... Что ты ему скажешь, «здравствуйте»?

Я зову одну из официанток, на ее беджике написано, что это Шираз, глаза сильно подведены черной тушью, она почти в местной униформе: темной, закрытой, облегающей кофточке с длинными рукавами и таких же облегающих джинсах — все угадывается, но все закрыто. Простите, может быть, я изобретаю велосипед, но, по-моему, Шираз — это город в Иране, в котором жил поэт Хафиз, а еще — сорт винограда, из которого делают красное вино... Не знал, что это еще и женское имя. Случайно или нет, но губы Шираз накрашены темно-красной помадой, красной, как местное вино, если разглядывать его на свет.

Она подходит, улыбается:

— Йес, мистер.

Спрашиваю по-английски:

— Мы хотели бы пересечь на улицу, это не опасно?

— Опасно? — Шираз смеется. — Нет, это не опасно. Кто вам сказал, что здесь опасно? Давайте я буду вас охранять.

В сопровождении возможной землячки Хафиза мы усаживаемся на улице. Брутальные бородачи некоторое время смотрят на нас, потом, убедившись в нашей безобидности, снова углубляются в свой важный разговор. Через минуту официантка выносит наш поднос, и я прошу еще кофе.

— Сейчас, мистер, — Шираз опять дарит мне ослепительную улыбку.

Я задаю глупый, в общем, вопрос:

— Простите, а сюда не заходила молодая женщина с ребенком?

Шираз улыбается:

⁴² От Матфея, 16.

⁴³ Речь идет о святом Силуане Афонском, русском по происхождению.

— Сюда часто заходят женщины с детьми... Как она выглядела или, может быть, имя? Она местная или иностранка?

— Местная. В таком длинном темно-вишневом платке. — Я показываю руками длинный платок. — Ее зовут Мариам, если по-арабски, или Мириам, Мария.

Шираз внимательно смотрит на меня:

— Нет, не заходила...

Молчит, потом, кажется, понимает, чуть улыбается:

— Вы паломники?

— Можно сказать, что да.

— А где ваша группа?

— Мы сами себе группа.

Она кивает:

— Да, такие тут есть. Некоторые европейцы даже снимают здесь квартиры и живут два месяца или три. А некоторые остаются надолго.

Какое-то время девушка стоит возле нас, но смотрит куда-то вдоль улицы, в сторону поворота к базилике, потом, будто проснувшись, глубоко вздыхает:

— Вы еще что-то хотели?

Я качаю головой.

— Сейчас я принесу ваш кофе, — говорит Шираз. — Если что-то еще будет нужно — вон камера, помашите, я буду поглядывать.

Мы сидим со своим мороженым. Разноцветные, начинающие течь, политые шоколадом шарики в стеклянных вазочках. Маленькие металлические ложечки. Какие-то вечнозеленые кусты с желтыми цветами в горшках отгораживают наши столики от не очень чистого тротуара. Кусты растут в кадках. Ярко горят фонари. Оранжевым и зеленым светится вывеска заведения. Прохожих почти нет. На противоположной стороне улицы ювелирный магазин — все окна наглухо закрыты железными ставнями. Рядом — освещенные светом уличного фонаря полные ящики для мусора с роющимися в них котами, за помойкой — увитая бугенвиллем старая стена из больших камней, похожая на крепостную. В темноте красные цветы бугенвилля и камни кажутся почти черными. Выше по улице, почти напротив остановки, где мы сошли сегодня днем (уже кажется, несколько дней назад), — круглосуточный супермаркет. Рядом освещенная автостоянка, знак «stop», магазинные тележки для товаров...

Обычный восточный городок, небольшой, умеренно темный, умеренно грязный. Все до предела обычно. Есть только одна важная деталь: в этом городке около двух тысяч лет назад жил молодой человек по имени Йешуа бен-Иосиф, у евреев того времени не было фамилий, но было отчество или название места жительства — бен-Иосиф означает всего лишь сын Иосифа, но больше Его знают как Йешуа Назарейского, только потом, как я уже писал, к имени прибавилось слово Посланник, Мессия, Помазанник, если по-гречески, и по-русски — Христос. Когда я думаю об этом, у меня происходит что-то вроде неожиданной автонастройки резкости — я даже немного подсакиваю в своем «европейском» креслице. Но через пару минут ощущение смягчается, хотя самый знаменитый житель Назарета, как на картине или даже на иконе, все время незримо присутствует где-то у верхнего края нашего ночного пейзажа.

— Скажи, а ты правда не чувствуешь Их рядом? — спрашиваю я у жены после некоторого молчания, хотя и думаю при этом: скажи я такое психологу в Москве, девяносто процентов мне предложили бы пить таблетки.

— Все время? — она удивляется. — Нет... Я бы сказала — к счастью, а то бы я не выдержала... Но Он или Они как бы тихо находятся здесь... как говорят американцы: in general. — Она тихо смеется. — В виде слабого света, вроде лунного, но без опре-

деленного источника⁴⁴. А иногда такое чувство, что Он или его Родители вот-вот выйдут из-за угла, — она показывает пальцем из-за какого, — или перейдут улицу, или зайдут вон в тот ночной супермаркет. — Странное чувство, рационально я понимаю, что никто здесь не ходит, но иррационально — ты прав, я как будто даже жду этого.

— В современной одежде или в той?

— Хм... Зачем в современной? Это все-таки не кино. В той, конечно.

Я смотрю на государственное шоссе № 60, по которому изредка проезжают машины, и представляю, как перед притормозившим междугородным автобусом проходят люди в одеждах первого века нашей эры: мужчина, женщина, мальчик. Ощущение это до того реально, что я снова немного вздрагиваю...

Что значит прохлада позднего вечера и впечатлительная натура.

Брутальные дядечки (кстати, очень похожие на своих московских собратьев где-нибудь на Кутузовском или Ленинском проспектах) уходят, одарив нас не очень довольными взглядами — по-видимому, мы все же немного мешали их разговору, — и мы остаемся на улице одни.

Шираз приносит еще кофе.

— Все в порядке? — спрашивает она, провожая глазами бородачей.

Я киваю: да, спасибо.

— Я слежу за вами в монитор, — напоминает Шираз. Она прикладывает ладонь, сложенную в виде подзорной трубы, к глазам и улыбается. — Скоро сюда придет мой младший брат, и тогда мы будем охранять вас вдвоем.

Лиза предлагает написать смс нашей знакомой в Москве, которая очень хотела поехать с нами, но не смогла. Мол, ку-ку, привет из Назарета. Были в возможном доме Родителей Христа. Убедились лично: физически *дом* — существует.

Смс написана. Через несколько минут телефон пищит, и нам приходит ответ: ой, какие вы молодцы, поставьте там за меня свечку. В Москве все по-прежнему, холодно, весна никак не наступит...

Странно читать смс из Москвы на этой вечерней улице. Кстати, это стандартный ответ — все, кому мы пишем отсюда, просят поставить за них свечку. Причем необязательно верующие, атеисты тоже.

8.

Через несколько минут у нас неожиданно появляется компания. Одета в наглухо застегнутую синюю ветровку и узкие черные джинсы девушка с очень короткой стрижкой, по внешнему виду — очень бледное лицо — явно только что приехавшая из Европы. Сначала она проходит мимо, мельком на нас взглянув, потом возвращается и усаживается за ближайший столик.

— Это из нашего гест-хауса, — тихо говорит Лиза, — она живет в соседнем здании, там, где номера на четыре человека. Я ее видела утром за завтраком — странная какая-то, никому не улыбается, ни с кем не общается. Причем я случайно увидела ее паспорт, когда она оформлялась на ресепшене — по-моему, она голландка или бельгийка, я не очень сильна в гербах, — там на обложке какие-то топорики, милитаризм, в общем.

Жена поворачивается к нашей соседке («не надо», — тихо говорю я, но поздно) и, улыбаясь, говорит по-английски:

⁴⁴ Героиня невольно повторяет слова ежедневной христианской молитвы, где Бог обозначается как «безначальный и везде и всегда присутствующий (присносущный) Свет», а также некоторых положений теоретической и квантовой физики.

— Hi!.. Мы соседи. Гест-хаус «Назарет».

Наша соседка поворачивается, и на лице ее включается дежурная улыбка:

— Oh, hi..

Далее следует стандартный обмен туристическими любезностями: откуда мы, откуда она — оказывается, не из Голландии, а из Франции.

— О, Франция, — не удерживаются русские белые медведи, — мы там были! О, Париж, — подавленный вздох, — о, Марсель, — еще один вздох.

Далее, как все туристы, мы рассказываем друг другу, где уже были в Израиле и куда направляемся. Разговор идет на международном эсперанто: по-английски, на котором русские и французы говорят одинаково плохо.

Она была в Джерусалем, собирается в Бетлехем, но не на полдня, как все, а подольше. Дня три-четыре она поживет в Бетлехем, наверное, встретит там Страсти Господни, Passions of the Lord и Easter⁴⁵, а потом попутешествует еще. Для нее день Страстей Господних очень сложен, она всегда много плачет в этот день. «Ему вбили гвозди вот сюда, — она показывает ладонь. — Это очень больно...» Поэтому она едет в Вифлеем, а не в Иерусалим.

Мы киваем:

— Вы правы, это грустно. Но Он же воскреснет, оживет, мы стараемся в это верить.

— Да, но этот день тоже очень важен. Для каждого!.. — с нажимом говорит француженка, и я вспоминаю, что где-то читал, что для католиков Страстная пятница чуть ли не важнее дня Воскресения.

— А где вы будете путешествовать? — переводит разговор жена.

— На Территориях.

— Ого. А это безопасно?

— Да, конечно. Нет, это совсем не опасно!.. — француженка искренне удивляется.

— А где еще на Востоке вы были? — вежливо спрашивает жена.

— О, много где. Иран, Либанон, Сирия, это было еще до их войны, Йемен, Сауди Аравия... Йемен — это очень красиво, необыкновенно. Может быть, с Территориями она поедет в Иорданию, там она еще не была, но точно пока не решила... А мы бы не хотели поехать на Территории вместе? — неожиданно предлагает наша соседка.

Мы растерянно молчим.

— Одной скучно, она уже была там. У нее есть знакомые в одном гест-хаусе в Наблусе, то есть мы хорошо устроимся, и у них дешевая трава... Кроме того, она могла бы кое-что показать нам. Там много интересных мест из Библии, например колодец Иакова, это там слуга Isaacs нашел жену для его сына, и еще там Jesus встретил Samaritan⁴⁶. А недалеко — Бейт-Сахур, где ангел явился пастухам...⁴⁷ — в этом месте ее лицо становится почти ненапряженным, а улыбка мягкой.

Мы колеблемся. Я совершенно равнодушен к траве и очень советую это равнодушие своим читателям, но люблю экстрим, несколько дней в Палестинской автономии — где в Москве вы возьмете такое? Потом «Поле пастушков», постоять там без треска экскурсовода — это ведь здорово, можно попробовать немного помедитировать там, наша новая знакомая будет не против.

— Надо подумать, — наконец говорю я. — У нас были немного другие планы. А вы уверены, что на Территориях не опасно для европейцев?

Француженка снова очень удивленно на меня смотрит:

⁴⁵ Английское название Пасхи.

⁴⁶ От Иоанна, 4.

⁴⁷ От Луки, 2. По версии евангелиста Луки, ангел, возвестивший рождение Христа, явился не волхвам, а пастухам под Вифлеемом.

— Да нет же... Там симпатичные люди. Это все... — она медлит, — израильская и американская пропаганда. Ну... Ну, вот хозяин нашего гест-хауса вам нравится? Он палестинец. А его жена? Она тоже палестинка. И сын. Просто живут здесь. Даже в Газе большинство нормальные. Есть, конечно, психи, — она крутит пальцем у виска, — но они есть везде.

Но в Газу она не поедет, хотя там очень классно — это один из самых старых городов на Земле, ему не то пять, не то шесть тысяч лет, она не помнит точно. Не поедет, потому что можно попасть под военную операцию израильтян, а потом, на обратном пути, на границе, израильские пограничники устраивают европейцам такой шмон, что вообще пожалеешь, что вернулся... Или что поехал. Если не найти компанию. Почему-то к туристическим группам они привязываются меньше... Кстати, мы знаем, что в Газе находится очень старый, вообще один из первых христианских монастырей?⁴⁸

Любительница экстрима предлагает познакомиться, она называет себя:

— Катрин.

Мы тоже говорим, как нас зовут. Звучит дежурное, но в данном случае довольно искреннее «nice to meet you».

— Простите, Катрин, вы кто по специальности? — спрашиваю я.

— Восток. Я занимаюсь Востоком, — говорит она.

— Вы говорите по-арабски?

— Да, но не очень хорошо.

— Вы католичка? — спрашивает жена.

— Да, — француженка кивает после небольшой паузы, и взгляд ее на минуту становится беспокойным: религия — слишком личный вопрос для европейцев.

— А Израиль вам нравится? — вдруг спрашивает моя жена.

Ее лицо тут же закрывается:

— Нет.

— Почему? — спрашивает жена.

— Как ты догадалась? — по-русски говорю я.

Наша соседка на минуту задумывается.

— Во-первых, это почти та же Европа, а Европа ей не нравится. В Европе нет жизни, все... по правилам. Свобода — кажущаяся, только не в том, что касается денег, зайдите в любой большой банк — сразу поймете, что к чему. Главное — деньги, хотя все усиленно делают вид, что это не так. А деньги принадлежат международным банкам, вот у кого настоящая власть, им не нужны выборы... Здесь, может быть, немного эмоциональнее, чем во Франции, но израильтяне плохо относятся к палестинцам, несмотря на предоставление автономии. Эта «стена», которую они построили недавно, вообще грубейшее нарушение прав человека!.. Вы про нее знаете? Это вторая Берлинская стена, по существу, а все молчат, будто так и надо.

— Но они же построили ее для защиты. Очень часто с Территорий проникали террористы... — говорит моя жена.

— Террористов было десять человек в год, а стеной окружили целый народ. Если бы вы ее увидели, вы бы сразу поняли, о чем я. Это не защита, а попытка изоляции. По существу, Израиль ведет себя как военное государство, оккупант, и никому до этого дела нет!..

Катрин начинает волноваться, она подтягивает молнию своей ветровки под самый подбородок, к тонкой белой шее и отворачивается. Когда она отворачивается, я вижу

⁴⁸ Скорее всего, героиня имеет в виду монастыри св. Иллариона, св. Илии и другие, основанные между II и IV веками н. э., — действительно, одни из первых христианских монастырей в мире.

маленькую нашивку — профиль товарища Че на ее рукаве. «Вон что, — думаю я, — вчера же здесь было представление...»

— А вы вообразите, что от этих террористов, которых «всего десять человек в год», не дай бог, пострадали именно ваши родственники, которые просто шли по улице или зашли вечером посмотреть кино, что бы вы тогда сказали? — говорит моя жена. — Во Франции бывают теракты, вы же должны это понимать.

Молния врзается в подбородок. Француженка молчит. Я тихонько толкаю жену под столом и после паузы спрашиваю у нашей новой знакомой, а не бывала ли она в Кане Галилейской. Говорят, это рядом.

— В этот приезд не была, — отвечает Катрин, — но раньше, конечно, была. Это действительно недалеко. На машине вообще минут десять, а еще туда ходит автобус, на ресепшене наверняка знают номер.

Разговор иссякает. Француженка допивает свой кофе и встает. Оставляет на столе несколько шекелей. Впрочем, несмотря на разногласия, прощаемся мы вполне дружески. Как-никак — и по Хантингтону, и просто так, как говорится, по ситуации — мы представители одной цивилизации⁴⁹. И потом — толерантность и еще раз толерантность, мы — европейцы, мы не должны проявлять сильные эмоции и тем более сильно спорить из-за политики.

Через минут десять мы тоже зовем Шираз и расплачиваемся.

— Это ваша знакомая? — спрашивает Шираз, показывая на стол, где сидела француженка.

Я качаю головой:

— Пока нет, просто соседка в отеле.

— Она странная, — говорит Шираз. — Очень странная. Она уже заходила сюда днем. Спрашивала, довольны ли мы условиями работы в Израиле... Она была немного *под этим...* — она делает пальцами движение, будто курит сигарету, и усмехается.

— А вы довольны? — спрашиваю я.

— Если бы я была недовольна, то, наверное, не работала бы здесь, — отвечает мне Шираз почти без улыбки.

Мы медленно бредем вдоль улицы в супермаркет. Народу почти никого, закрытые магазины, проехало пустое желтое такси, водитель вопросительно посмотрел на нас, и я покачал головой. Мы могли бы идти так в Москве, в Нью-Йорке или в Стамбуле, и так же проходящее такси притормозило бы рядом с нами. А сейчас мы идем *в Назарете*. Немного странно, но здесь тоже есть такси и супермаркеты — люди завтракают и обедают и ездят на такси.

— Поле пастухов, — вспоминаю я. — К пастухам прилетел ангел, и он весь сиял. Не помню точно, что было дальше, но, по-моему, он сказал, чтобы они его не боялись и что неподалеку от них, в иудейском городе Вифлееме, родился мальчик, который станет Спасителем мира...⁵⁰

— Катрин немного антисемитка, да? Или мне показалось? — неожиданно спрашивает Лиза.

Я пожимаю плечами:

— Похоже, но если ей это сказать — она будет горячо отрицать. Скорее, она — антиизраильтянка. Хотя и это не главное, по-моему, она просто очень «левая» — социалистка на всю голову. Ты видела нашивку с Че Геварой на ее рукаве? А ее речь против

⁴⁹ Сэм Хантингтон, американский социолог и философ XX века, автор книги «Столкновение цивилизаций» (1993).

⁵⁰ Подробное изложение см. От Луки, 2.

банков? Мне, кстати, понравилось... Наверное, она приехала на вчерашний хеппинг на площади... Вообще, ну ее, не хочу здесь говорить о политике. Вон — крест церкви Благовещения, там, за домами — базилика Святого Семейства... А вопросы политики и демократична ли западная демократия — страшно надоели еще дома.

— Странно, — говорит Лиза. — Я ей как-то не верю... Она не похожа на туристку. Как будто она занята каким-то... делом, а не впечатляется, как мы. И в кафе она пришла будто после работы.

— Ну ее, — еще раз говорю я. — Тут есть полиция, пусть она с ней и разбирается, если есть за что... Ведь тебя зовут не миссис Марпл?⁵¹

— Вроде нет, — говорит жена.

— Ну вот, оставь эти мысли. Еще дома надоели...

Мы некоторое время идем молча.

— Кстати, какое странное слово в английском языке обозначает Пасху, ты заметила? — спрашиваю я. — Я раньше не слышал и не сразу догадался, о чем она. Easter — это восточник, восточный, если дословно?

— Английский очень рациональный язык. Восходящник — если буквально... А я так и не пойму: пастухам или волхвам явился ангел? В одном Евангелии волхвы, в другом — пастухи. Как правильно? — спрашивает Лиза. — Мне нравятся и те, и те.

— Богословский ответ я не знаю, но думаю, что это зависит от автора. Условно говоря, кто он был по взглядам: «левый» или «правый», — усмехаюсь я. — Я думаю, что в данном случае ближе к истине был врач и художник-любитель Лука, но, может быть, бывший государственный служащий Матфей был тоже прав — одно другого не исключает⁵². Ясно одно — к яслям в Вифлееме кто-то приходил, но кто именно — есть разногласия... Кстати, по-моему, есть еще одна важная неясность: святой Иосиф был родом из Вифлеема, поэтому он пошел туда на римскую государственную перепись. Значит, у него там должны были быть родственники. Но его почему-то никто пригласил домой, и он с *молодой женой на девятом месяце* остался на улице — зимой. Почему? Он был в плохих отношениях с родственниками из Вифлеема? Из-за чего?.. Если верить официальной церковной версии, Мария была его второй женой. А где первая? Случайно, не из-за этих неизвестных нам разногласий и обстоятельств его Пасынок был резко против разводов? Тора их разрешает, а Йешуа, как известно, призывал соблюдать предписания Тора?⁵³

Жена молчит. Мне кажется, что ей не очень нравится то, что я говорю.

— Может быть, не знаю. Сейчас не очень хочу думать об этом. Мешает.

— Чему?

— Вере.

— Хорошо, — говорю я. — Не будем трогать исторический контекст. Но: евангелист Матфей знал Мириам и Ее Сына почти с самого начала. И свое Евангелие писал по *собственным воспоминаниям*, а первые главы — по рассказам святого Петра. Вот уж кто был лишен дара сочинительства, так это Симон-Петр — рыбак по профессии⁵⁴. И, Матфей говорит о волхвах. Или звездочетах, то есть астрологах — в новом переводе...

— Не знаю, не буду спорить, — говорит Лиза. — Кстати, ты заметил, что про религию с первым встречным говорят только французы и русские? Это же, вообще-то,

⁵¹ Знаменитая сыщица-любитель, героиня Агаты Кристи.

⁵² По синодальной версии перевода «Евангелия от Матфея», поклониться Христу пришли «волхвы с востока». Святой Лука говорит о «пастухах» (От Матфея, 2; От Луки, 2).

⁵³ См. От Матфея, 5.31 и Второзаконие, 24.1.

⁵⁴ Мы называем здесь настоящее, еврейское имя апостола Петра — Симон. «Камнем» его назвал Иисус за твердость в вере. В переводе с еврейского на греческий камень — это Петр.

очень личное дело, чтобы его обсуждать с посторонними... Поле пастушков, монастыри — и при этом она не осуждает террористов. Это как-то связано, я уверена, — недовольно добавляет она.

9.

Мы переходим улицу перед супермаркетом. Почему-то я представлял себе это еще в Москве: как всегда на юге, раздвижные двери широко открыты, с улицы виден торговый зал, полки с товарами — банки консервированных овощей, пакеты макарон, лотки с фруктами, ряды йогуртов — все как обычно, если не считать одной небольшой детали — *где* находится магазин... Кстати, мы не единственные покупатели. Высокий мужчина в клетчатой рубашке и женщина в красивом вишневом хиджабе накладывают продукты в тележку недалеко от входа.

— Смотри, — вдруг говорит жена.

Я оглядываюсь и вижу стоящий у дверей супермаркета красный джип-грузовичок. Машина сильно не новая. Из кузова торчат доски разного размера.

— Не понял, — говорю я.

— Плотницкий грузовичок-то, — говорит жена и смеется. — Вот и плотник. Ты все ждал... Давай спросим, как зовут хозяина.

— Э-э... Спроси, но боюсь, тебя не поймут, к тому же время позднее. И если ты надеешься, что его зовут Иосиф — это очень маловероятно, город арабский.

— Ничего, — говорит жена. — Сейчас узнаем. Вон они, я еще с улицы увидела, как они выходили.

И она подходит к стоящей у кассы паре с тележкой:

— Простите, вы говорите по-английски?

Чета удивленно переглядывается.

— Little bit... — говорит женщина.

Она моложе своего мужа, ей около тридцати, смуглое молодое лицо, темные волосы прикрыты темно-синим платком, бордовое платье гораздо ниже колен, черты лица тонкие, особенно красивы глаза — большие, черные, с длинными ресницами и, как модно здесь, тонкими изогнутыми бровями.

Муж — обычный местный житель, тоже смуглый, плотный, седеющий, лет пятидесяти, загорелый, не очень хорошо выбрит, одет в клетчатую рубашку и старые вельветовые штаны. На ногах сандалии. Поняв, что мы иностранцы, напрягается так же, как напрягся бы житель какого-нибудь нашего Суздаля или Владимира, если бы в местном круглосуточном магазине в 23.15 местного времени с ним заговорили по-английски.

Я обращаю внимание на его руки. Это руки человека, давно занимающегося физической работой: грубые, большие, с толстыми пальцами и вздувшимися венами. Они крепко держат пластмассовую ручку тележки. Машинально я обращаю внимание, что тележка почти такая же, как в Москве: высокая, решетчатый металлический корпус, сзади отделение для сумки... В тележке обычный набор продуктов небогатой семьи: макароны, хлеб, два пакета молока, какие-то консервы, бутылка недорогого оливкового масла в пластиковой упаковке...

— Простите, это ваша машина? — спрашивает моя жена.

— Наша, а в чем дело? Там рядом на стоянке еще много места, — удивленно говорит женщина.

— Я не об этом, — говорит моя жена. — Ваш муж — плотник?

Женщина еще более удивленно кивает:

— Да, а что? Вам нужен ремонт в доме, мебель, строительство?

— Нет... — Жена делает маленькую паузу. — У вас есть дети?

Темноволосая удивляется по-настоящему:

— Есть, но почему вы спрашиваете, мадам?

Я решаю вступить в разговор, потому что понимаю, что сейчас мы попадем в неловкое положение, выход из которого не вполне ясен. Бородатый продавец за кассой, подняв голову, удивленно смотрит на нас.

— Я бы хотел заказать вашему супругу небольшое кресло, желательное разборное, чтобы увезти с собой. Мы туристы, — говорю я.

Вопрос о детях четы остается открытым.

Женщина что-то говорит мужу по-арабски. Он отвечает. На настороженном лице появляется улыбка.

Его жена поворачивается к нам:

— Мужу нужны размеры, потом, из какого материала вы хотите? Вы можете завтра зайти в мастерскую? Он будет там с девяти утра — дальше в любое время. Это недалеко, вверх от базилики. Сейчас мы дадим вам визитку, пойдемте к машине, или я могу продиктовать адрес или телефон.

Я соглашаюсь на «продиктовать», о чем сейчас жалею: взяли бы карточку, какой артефакт бы был — плотник из Назарета... Плюс хорошее «вещественное доказательство» — я понимаю, что сейчас-то все думают, что я выдумал эту встречу, а я повторю: между прочим, я предполагал что-то похожее еще в Москве.

Женщина диктует телефон, я записываю. После микроскопической паузы следует имя: Юсуф⁵⁵.

Ну конечно. Я киваю, улыбаюсь, как же еще его могут звать, нажимаю «сохранить»: готово, номер Юсуфа из Назарета до сих пор хранится в памяти моего мобильного телефона. Начинается на девятьсот семьдесят два, как все телефоны в Израиле. Иногда, просматривая адресную книгу или набирая имена на «Ю»: Юра, Юля, я натякаюсь на него.

Усатый дядька кивает, что-то спрашивает у жены, глядя на нас.

— А как вас зовут? — спрашивает женщина.

Мы называем себя.

— Откуда вы?

— Из России.

— О, Россия! — Назаретский плотник двадцать первого века улыбается. — Путин!..

После еще одной паузы, во время которой я испытываю некоторую печаль, мы вяло киваем:

— Да...

Усатый Юсуф качает головой, что-то говорит жене, мне слышится слово «Украина».

— Ему нравится Путин, потому что он против Америки, но он говорит, что России не надо было помогать сепаратистам на Украине, страдают мирные люди, — переводит его жена и что-то говорит мужу.

Я думаю, что она просит его, чтобы он не говорил о политике, ведь так можно потерять заказчика. «Интересно, — думаю я, — а что говорил святой Иосиф о современной ему политике? Вполголоса ругал за коллаборационизм царя Ирода? Как все мы, ждал Мессию, который освободит Иудею? Хвалил парфянских царей, воевавших с римлянами?»⁵⁶ Ведь одно из жестоко подавленных римлянами иудейских восстаний он точно пережил, причем оно примерно совпало с его отлучкой в Вифлеем... Соб-

⁵⁵ Арабский аналог имени Иосиф.

⁵⁶ Парфянское царство (250 до н. э. — примерно 220 н. э.) существовало на территории нынешней Туркмении, Ирана и Ирака, какое-то время успешно сопротивлялось Риму. Религия — зороастризм, так что герой ошибается, вряд ли его мог очень хвалить святой Иосиф.

ственно говоря, имя Иисус — это имя легендарного полководца из Торы — Иисуса Навина, Йешуа бен-Нуна на древнееврейском. Многих мальчиков в тогдашней Иудее называли в его честь».

— А как вас зовут? — спрашивает жена у женщины в платке.

Я напрягаюсь, и зря — так «в лоб» это не работает, таких совпадений не бывает, хватит с нас и Юсуфа... Женщину зовут Джанаан. Тоже неплохо, по-арабски Джанаан означает «душа» — нам переводят это почти сразу.

Я не помню, что означает в переводе с греческого мое имя. Мне стыдно. Но они не спрашивают.

Лиза не дает мне долго стыдиться.

— Простите, а все-таки: у вас есть дети? — не успокаивается она.

— Два мальчика и девочка, — немного удивленно отвечает Джанаан, — а что?

— А как их зовут, ваших детей? — спрашивает жена.

Я морщусь. Тем не менее слегка задерживаю дыхание, пока Джанаан перечисляет:

— Зафир и Исмаил. Старшему мальчику — двенадцать, младшему девять. Дочке семь.

«Исмаил, — думаю я. — Один из сыновей Авраама. Правда, от служанки, но с согласия жены...⁵⁷ С другой стороны — распространенное арабское имя».

— А дочку как зовут?

— Нана.

— Как это переводится?

Джанаан шелкает пальцами и беспомощно оглядывается — ей трудно подобрать английский перевод.

— Мерсу... — говорит она, потом обрадованно улыбается: — Grace!

— Благодать, милость, — голосом робота-автоответчика первым перевожу я.

Лиза тоже улыбается и кивает. Но я вижу, что она все-таки немного разочарована. А я думаю, что это так и будет, *во всем и со всем* — не прямо здесь, но где-то рядом.

— А у вас? У вас есть дети? — спрашивает женщина.

— Пока нет.

— Почему? — жена плотника искренне огорчена. — У многих европейских пар нет детей... У вас такая обеспеченная, спокойная жизнь. Многие русские — очень состоятельные люди, у нас было несколько русских клиентов.

— Не все, — говорим мы.

— Ну, вы еще молодые. Все европейцы поздно заводят детей, — успокаивающе говорит Джанаан. — Как звучит имя Нана по-русски?

— Бла-го-дать, — говорю я по слогам.

Джанаан улыбается, повторяет про себя, губы ее шевелятся.

Мы прощаемся. Договариваемся созвониться после полудня. Пара везет тележку к кассе, расплачивается, на деньгах мелькают портреты израильских президентов, как когда-то мелькали на денариях портреты римских императоров, на выходе они машут нам рукой, через минуту грузовичок дает задний ход, разворачивается и уезжает. Доски в кузове подпрыгивают на «лежачем полицейском».

— Ну что? — говорю я.

— Что?

— На что ты надеялась, спрашивая, как их зовут?

— Оставь, пожалуйста, — говорит жена. — Сам тоже дышать перестал, когда она называла имена. Я видела. — Она смеется.

Мы набираем покупки в корзинку. Когда Лиза идет в молочный отдел, я остаюсь один. Ряды полок с товаром, бледный свет энергосберегающих «дневных» ламп. Стран-

⁵⁷ См. Бытие, 16.

ное ощущение, уже посещавшее меня днем, снова появляется — как будто я не один. Кажется, психологи называют это ощущение «синдромом» — особое состояние психики в ответ на повторяющиеся внешние условия. Как будто сейчас из-за угла покажется Тот, о ком мы с нелепой надеждой расспрашивали местного плотника... Очень мало кто из людей видел Его лицо, поэтому я сейчас представляю себе персонажа с картины Александра Иванова, так сказать, российскую общепринятую версию.

Кстати, странно, что никто, насколько я знаю, не спрашивал у святых, которым Он являлся, например у Силуана Афонского⁵⁸: а как Он выглядел?.. Но все же, вероятно, Он выглядел не совсем так, как на картинах Иванова — хотя бы потому, что в земной жизни был этническим иудеем. А европейских лиц в этих местах тогда не было... Кроме римских, разумеется.

Скажем так: мне кажется, что сейчас из-за ближайшего стеллажа с фасолью и апельсиновым джемом мне навстречу выйдет молодой, черноволосый, может быть, кудрявый мужчина в одеждах Галилеи первого века нашей эры. А может быть, даже в современной одежде. Может быть, Он будет похож на синайскую икону Спасителя, неплохую репродукцию с которой я как-то купил в Москве⁵⁹. Абсолютно современное лицо (лик — строго поправила меня продавщица икон), темно-карие, точнее, разноцветные: один карий, другой темный, почти черный, с большим зрачком, пронзительный, охватывающий вас целиком взгляд. Бородка, длинные волосы, собранные сзади в пучок... Лицо полно сдержанной силы, печали, ума и еще чего-то, чему трудно подобрать определение.

Ощущение это в какой-то момент становится таким сильным, что, взяв с полки товар, я случайно роняю большую желтую банку с кукурузой. Она задевает соседку, и та падает тоже. Слава богу, банки железные, ничего не разбито. На шум появляется ночной менеджер — высокий европеец лет тридцати, в старой синей «толстовке» и с разноцветными фенечками-браслетами на запястьях. Он довольно сердито смотрит на меня, молча поднимает банки.

— Извините, — говорю я по-английски.

— Вам чем-то помочь? — спрашивает менеджер. Услышав английский, он смягчается.

— Там моя жена, — говорю я. — Она выбирает покупки. А я пока тут... Просто смотрю.

Менеджер кивает и уходит. Я слышу, как он что-то говорит кассиру по-арабски.

Я выхожу из-за стеллажа с консервами и иду к жене.

— Ты чего там бузишь? — спрашивает она.

— Да так, — говорю я. — Показалось что-то.

Жена смотрит на меня, усмехается:

— Показалось?.. Бывает...

Мы катим нашу тележку к кассе. Стрекочет аппарат, ползет чековая лента. Покупки складываются в пакет. Я поворачиваю его, чтобы посмотреть, нет ли на нем какой-то эмблемы. Эмблемы нет, простой черный полиэтилен. «Интересно, — думаю я, — какую эмблему я бы хотел?»

— Thank you, — говорит араб-кассир и изображает подобие улыбки.

Мы выходим из магазина. Тепло, почти жарко, черная, не очень чистая ночная мостовая, желтая кожа от банана, брошенная кем-то на асфальт, похожа на морскую звезду, пустая тележка, ряд спящих машин, две египетские пальмы; напротив —

⁵⁸ Святому Силуану Афонскому (1866–1938), уже упоминавшемуся здесь, после 14 лет молитв явился Христос.

⁵⁹ Одно из первых изображений Христа датируется IV веком н. э. Синайская школа иконописи одна из первых, если не первая иконописная школа.

дома, несколько окон в верхних этажах еще горят. Медленно проезжает междугородный автобус.

— Так что показалось? Или кто?

— Сама знаешь, — говорю я.

— А, — говорит жена. — Понятно. Знаешь, я подумала, что не надо особенно волноваться по этому поводу. Сознание плюс культурный багаж на пару балуются. Пожили бы здесь подольше, привыкли бы... Да?

Ночь в гест-хаусе. Хочется спать. Передо мной на столике маленькая книга Франсуа Мориака «В чем моя вера», купленная в Москве несколько лет назад⁶⁰. Я ее открываю, пытаюсь читать, но сил уже нет. Строчки сливаются.

«Я выбрал не столько определенную религию или определенную Церковь, сколько Кого-то, с Кем меня соединяла именно эта Церковь и эта религия...» — успеваю прочесть я. Ложусь, некоторое время смотрю в окно, с кровати видны только темно-синее небо с большими звездами и в их свете кажущаяся серебристой крыша базилики Благовещения... Потом я засыпаю. Засыпаю я со смутной надеждой увидеть что-то во сне — например, Тех, кого мы так искали этим вечером, но надежда эта, увы, не оправдывается, сплю я без снов. Или если мне что-то и снилось — говорят же, что по-другому не бывает, — я не помню...

А жаль.

---

⁶⁰ Французский писатель, лауреат Нобелевской премии, современник Сартра и Камю. Видел в религии и вере выход из духовного и экзистенциального кризиса XX века.